

Все твои совершенства

Автор:

[Колин Гувер](#)

Все твои совершенства

Колин Гувер

Главные романы Колин Гувер

Колин Гувер – автор, которому читатели доверяют свое сердце. Ее истории доказывают: даже растоптанный цветок однажды может прорасти, чтобы стать ближе к солнцу.

Более 3 000 000 000 просмотров в TikTok.

Колин Гувер – литературный феномен нашего времени, троекратная обладательница премии Goodreads Choice Award в номинации «любовный роман». Ее произведения переведены на десятки языков. Она – мировой тренд. Продажи книг Колин Гувер превысили продажи Стивена Кинга и Джорджа Мартина.

«Все твои совершенства» – это глубокий роман о супружеской паре, чье будущее зависит от обещаний, данных в прошлом. Роман высоко оценили как зарубежные, так и российские читатели. Красивый и практичный подарок только в первом тираже.

Маргаритка – главный цветок этой книги. Она символизирует плодородие и материнство. А еще маргаритка символизирует вечную любовь – ту, которая выживет даже в самом страшном пожаре, ту, о которой Грэм напишет в письме Квинн: «Я мог бы начать с того дня, когда мы встретились на лестнице».

Может ли сильная любовь с идеальным началом остаться такой же между двумя неидеальными людьми?

Совершенной любви Квинн и Грэма угрожает их несовершенный брак. Воспоминания, ошибки и секреты, которые они копили годами, теперь разрывают их на части.

«Я больше не знаю, как с ним общаться. Иногда, когда я открываю рот, мне кажется, что ветер задувает все мои слова обратно в горло. Я скучаю по дням, когда мне казалось, что я лопну, если немедленно не расскажу ему все-все-все».

Колин Гувер

Все твои совершенства

Colleen Hoover

ALL YOUR PERFECTS

All Your Perfects Copyright © 2018 by Colleen Hoover Atria Books, a Division of Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

© Бараш О., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Маргаритка – главный цветок этой книги.

Она символизирует плодородие и материнство.

А еще маргаритка символизирует вечную любовь – ту, которая выживет даже в самом страшном пожаре, ту, о которой Грэм напишет в письме Квинн:

«Я мог бы начать с того дня, когда мы встретились на лестнице».

1

Прошрое

Консьерж не улыбнулся, увидев меня. Эта мысль не дает мне покоя всю дорогу, пока я еду на лифте до нужного этажа. С тех пор как Итан переехал в этот многоквартирный дом, Винсент был моим любимым швейцаром. Он всегда улыбается, болтает со мной. Но сегодня он просто открыл дверь и с терпеливым выражением лица ждал, пока я войду. Даже не сказал: «Привет, Квинн. Ну как съездили?»

Наверное, у всех нас бывают не самые удачные дни.

Я смотрю на телефон: семь с копейками. Итан должен прийти в восемь, так что мне хватит времени, чтобы удивить его ужином. И своим присутствием. Я вернулась на день раньше, но решила ему об этом не сообщать. Мы так усиленно планировали нашу свадьбу, что прошло уже несколько недель с тех пор, как мы вместе ели настоящую домашнюю еду. И даже с тех пор, как занимались сексом.

На этаже Итана я выхожу из лифта и замираю. По лестничной клетке прямо перед дверью квартиры Итана расхаживает какой-то тип. Делает три шага, останавливается и смотрит на дверь. Три шага в другую сторону – и снова остановка. Я смотрю на него и жду, что он уйдет. И не думает. Ходит и ходит

взад-вперед и пялится на дверь Итана.

На приятеля Итана он как-то не похож.

И потом, будь он приятелем, я бы его опознала.

Я подхожу к двери и откашливаюсь.

Парень смотрит на меня, а я указываю на дверь Итана, чтобы до него дошло, что меня нужно пропустить. Он отступает в сторону, и я подхожу к двери, стараясь больше не встречаться с ним взглядом.

Роюсь в сумочке в поисках ключа.

Наконец нахожу, и тут этот тип подходит и кладет ладонь на дверь.

– Вы собираетесь войти?

Я смотрю на него, перевожу взгляд на дверь. С какой это стати он спрашивает? Сердце начинает бешено колотиться. И так, я стою в коридоре наедине с незнакомым типом, который интересуется, собираюсь ли я войти в пустую квартиру. Знает ли он, что Итана нет дома? Знает ли он, что я одна?

Я снова откашливаюсь, пытаюсь скрыть страх. Тип вообще-то с виду безобидный. Но не думаю, что на бандите должно быть написано, что он бандит, так что кто его знает?

– Здесь живет мой жених. Он там... внутри, – вру я.

Парень энергично кивает.

– Да уж. Еще как внутри. – Сжав кулак, он бьет по стене рядом с дверью. – Внутри моей гребаной девушки.

Когда-то я ходила на курсы самообороны. Инструктор научил нас просовывать ключ сквозь пальцы острым концом наружу, чтобы в случае нападения ткнуть

обидчика в глаз. Я проделываю маневр с ключом, чтобы быть во всеоружии, если этот псих на меня накинется.

Он делает выдох; воздух наполняется заметным ароматом корицы. Что за странные мысли меня посещают за секунду до нападения? Что за странные объяснения я буду давать в полиции? «Нет, я правда не помню, во что он был одет, но у него изо рта так приятно пахло! Как газировкой».

– Вы ошиблись квартирой, – говорю я ему, надеясь, что он уйдет не возражая.

Он мотает головой. Короткие, быстрые движения как будто должны показать, насколько я заблуждаюсь и насколько он прав.

– Я не ошибся квартирой. Я точно знаю. Ваш жених ездит на синем «Вольво»?

Интересно, он что, следит за Итаном? У меня пересыхает во рту. Глотнуть бы воды.

– Он около шести футов ростом? Черные волосы, носит куртку «Норт Фейс», которая ему великовата?

Я прижимаю руку к животу. Глотнуть бы водки.

– Ваш жених работает у доктора Ван Кемпа?

Моя очередь мотать головой. Итан не просто работает у доктора Ван Кемпа. Доктор Ван Кемп – его отец. Откуда этот тип столько знает об Итане?

– Моя девушка работает вместе с ним, – говорит он, с отвращением глядя на дверь. – И не только работает, ясное дело.

– Итан не стал бы...

Мне не дают договорить характерные звуки. Звуки секса.

Я слышу, как кто-то тихо произносит имя Итана. Но тихо оно звучит только по эту сторону двери. Спальня Итана находится в задней части квартиры. Кем бы ни была эта девка, она не молчит. Она выкрикивает его имя.

А он ее трахает.

Я вмиг отшатываюсь от двери. Да, это на самом деле происходит в квартире Итана, отчего у меня кружится голова.

Мой мир шатается. Прошрое, настоящее, будущее – все выходит из-под контроля. Парень хватает меня за руку, чтобы поддержать.

– С вами все в порядке? – Он подводит меня поближе к стене. – Извините. Не стоило мне это так сообщать.

Я открываю рот, но не могу выдать ничего, кроме сомнений.

– Вы... вы уверены? Может быть, это не из квартиры Итана. Может быть, это парочка в соседней квартире.

– Очень убедительно. Соседа Итана тоже зовут Итаном?

В его тоне звучит сарказм, но по глазам я вижу, что он тут же пожалел о том, что сказал. Очень мило с его стороны – найти в себе силы для сочувствия мне, притом что сам явно испытывает то же самое.

– Я ехал за ними, – говорит он. – Они там вдвоем. Моя девушка и ваш... друг.

– Жених, – поправляю я.

Я иду по коридору, прислоняюсь к стенке и в конце концов соскальзываю на пол. Наверное, мне не стоило так плюхаться, потому что я в юбке. Итану нравятся юбки, вот я и решила сделать ему приятное, но теперь мне хочется содрать с себя эту юбку, обмотать вокруг его шеи и задушить. Я так долго смотрю на свои туфли, что даже не замечаю, что парень сидит на полу рядом со мной, пока он не подает голос.

- Он вас ждет?

Я качаю головой.

- Думала сделать сюрприз. Меня не было в городе, уезжала с сестрой.

Из-за двери доносится еще один приглушенный крик.

Парень рядом со мной съеживается и затыкает уши. Я тоже.

Так мы и сидим. Стараясь ничего не слышать, пока все не закончится. А закончиться должно скоро. Итана надолго не хватает.

Две минуты спустя я говорю:

- Думаю, у них все.

Парень убирает ладони от ушей и роняет руки на колени. Я обхватываю себя, кладу подбородок на сплетение рук.

- Может, откроем дверь моим ключом? И посмотрим им в глаза?

- Не могу, - говорит он. - Сначала мне нужно успокоиться.

Он выглядит довольно спокойным. Большинство моих знакомых мужчин выломали бы дверь в мгновение ока.

Я тоже не уверена, что хочу смотреть Итану в глаза. Лучше всего сейчас уйти и притвориться, что ничего не произошло. Написать ему, что я приехала домой раньше, а он бы ответил, что работает допоздна, и я оставалась бы в блаженном неведении.

А еще можно просто пойти домой, сжечь все его вещи, продать свадебное платье и заблокировать его номер.

Нет, мама бы никогда этого не допустила.

О боже! Мама.

Я испускаю стон, и парень тут же выпрямляется.

– Тебя что, тошнит?

Я качаю головой.

– Нет. Не знаю. – Я поднимаю голову и прислоняюсь спиной к стене. – Просто представила, как взбесится мама.

Он немного успокаивается, поняв, что я не собираюсь помирать, а просто предвижу реакцию мамы, когда она узнает, что свадьба отменяется. Потому что никакой свадьбы, конечно же, не будет. Я уже сбилась со счета, сколько раз она упоминала задаток, внесенный за одно только место в очереди в шикарный отель, где намечалось свадебное торжество. «Ты хоть представляешь, сколько людей хотели бы пожениться в «Дуглас Уимберли Плаза»? Там выходила замуж Эвелин Брэдбери, Квинн. Эвелин Брэдбери!»

Мама любит сравнивать меня с Эвелин Брэдбери. Ее семья более знаменита, чем семья моего отчима. Таких семей в Гринвиче раз-два и обчелся. Поэтому мама, конечно же, не упускает случая упомянуть Эвелин Брэдбери как пример совершенства высшего класса. Мне наплевать на Эвелин Брэдбери. Я почти готова немедленно написать маме и поставить ее перед фактом: свадьбы не будет, а на Эвелин Брэдбери мне наплевать.

– Как тебя зовут? – спрашивает парень.

Подняв глаза, я понимаю, что впервые вижу его по-настоящему. Несмотря на то что сейчас явно один из худших моментов в его жизни, он невероятно хорош собой. Выразительные темно-карие глаза под цвет взлохмаченных волос. Волевая челюсть, которая то и дело подергивалась от безмолвной ярости с момента, когда я вышла из лифта. Полные губы, которые то сжимаются, то разжимаются каждый раз, когда он смотрит на дверь. Мне интересно, смягчилось бы выражение его лица, если бы он не застукал свою девушку с Итаном? И еще в нем есть какая-то грусть. Никак не связанная с нашей нынешней ситуацией. Что-то более глубокое... как будто таящееся в нем.

Я видела людей, которые улыбаются одними глазами, а он словно одними глазами хмурится.

– А ты красивее Итана. – Мое замечание застаёт его врасплох. Теперь на его лице написано только замешательство – видно, решил, что я к нему клеюсь (последнее, что сейчас пришло бы мне в голову). – Это не комплимент. Просто я кое-что поняла.

Он пожимает плечами, словно ему все равно, что я там поняла.

– Просто если ты красивее Итана, то, скорее всего, твоя девушка красивее меня. Не то чтобы меня это беспокоило. Может, меня это и в самом деле беспокоит. Это не должно меня беспокоить, но все же хочется знать, нравится ли она Итану больше меня. Из-за этого ли он мне изменяет. Возможно. Извини. Я вообще-то не склонна к самоуничтожению, но сейчас я жутко зла и почему-то просто не в состоянии заткнуться.

Мгновение он пристально смотрит на меня, как будто его заинтересовала моя странная логика.

– Саша страшна как смертный грех. На этот счет можешь не беспокоиться.

– Саша? – Я недоверчиво произношу ее имя, затем повторяю его с ударением на последнем слоге. – Саша. Это многое объясняет.

Он смеется, следом смеюсь я, и это самое странное.

Смеюсь, когда следовало бы плакать. Почему я не плачу?

– Я Грэм, – говорит он, протягивая руку.

– Квинн.

У него даже улыбка грустная. Интересно, как он улыбается при других обстоятельствах?

– Я бы сказал, что рад познакомиться с тобой, Квинн, но это худший момент в моей жизни.

Горько, но правда.

– И в моей, – разочарованно говорю я. – Хотя я рада, что познакомилась с тобой сейчас, а не в следующем месяце, после свадьбы. По крайней мере, хоть не буду даром тратить на него брачные обеты.

– Вы должны пожениться в следующем месяце? – Грэм отводит взгляд. – Вот ведь засранец, – тихо говорит он.

– Это точно. – Собственно, я всегда знала, что Итан именно такой и есть. Засранец. С претензией. Но ко мне относится хорошо. Во всяком случае, мне так казалось.

Я снова наклоняюсь вперед и провожу руками по волосам.

– Господи, вот ведь мерзость.

Мама, как всегда, очень кстати со своей эсэмэской. Я достаю телефон и читаю:

«Дегустация торта перенесена на субботу, на два часа. Не наедайся перед этим. Итан составит нам компанию?»

Я глубоко-глубоко вздыхаю. Дегустации торта я ждала с нетерпением, считала ее самой важной частью всех свадебных приготовлений. Может, не говорить пока, что свадьба отменяется? И сказать только в воскресенье?

Снизу слышится бряканье, и я переключаю внимание с телефона на двери лифта. Они открываются, и я чувствую, что у меня в горле образуется комок. Увидев контейнеры с едой, я крепко сжимаю телефон в кулаке. Курьер приближается к нам, и с каждым его шагом мое сердце колотится все быстрее. Не сыпь мне соль на раны, Итан.

– Китайская еда? Ты что, издеваешься? – Я встаю и смотрю вниз на Грэма: он все еще сидит на полу и смотрит вверх, на меня.

Я машу рукой в сторону китайской еды.

– Это мое! Не его! Это я люблю китайскую еду после секса! – Я поворачиваюсь к курьеру, и он застывает, уставившись на меня и не понимая, идти ли ему дальше к двери. – Отдайте! – Я отбираю у него пакеты. Он даже ни о чем не спрашивает.

Я снова плюхаюсь на пол с двумя пакетами китайской еды и роюсь в них. Какое свинство: Итан просто повторил мой всегдашний заказ.

– Он даже заказал то же самое! Он кормит эту Сашу моей китайской едой!

Грэм вскакивает и вытаскивает из кармана бумажник.

Он расплачивается; несчастный курьер толкает дверь на лестничную клетку, как будто ему не терпится сбежать быстрее, чем на лифте.

– Пахнет хорошо, – говорит Грэм. Он снова садится и хватает контейнер с курицей и брокколи. Я протягиваю ему вилку и позволяю есть из контейнера, хотя курица – мое любимое блюдо. Но сейчас не время жадничать. Я открываю говядину по-монгольски и начинаю жевать, хотя и не голодна. Но будь я проклята, если Саше или Итану достанется хоть кусочек.

– Шлюхи, – бормочу я.

– Шлюхи, которые остались без еды, – говорит Грэм. – Может, оба умрут с голоду.

Я улыбаюсь.

После чего молча ем и думаю, долго ли собираюсь сидеть на лестнице с этим парнем. Я бы предпочла, чтобы дверь открылась, когда меня здесь не будет. Не хочу знать, как выглядит Саша.

С другой стороны, не хотелось бы пропустить момент, когда она откроет дверь и обнаружит, что за ней сидит Грэм и ест ее китайскую еду.

Поэтому я жду. И ем. На пару с Грэмом.

Через несколько минут он ставит контейнер на пол, лезет в пакет и выуживает два печенья с предсказаниями.

Одно он протягивает мне, другое раскурочивает сам. Разломив печенье, он разворачивает полоску бумаги и читает свое предсказание вслух: «Сегодня тебе повезет в крупном деловом начинании». Прочитав, он складывает пророчество пополам.

- Самое оно. Сегодня я как раз слинял с работы.

- Дурацкое предсказание, - бормочу я.

Грэм скатывает бумажку в крошечный шарик и швыряет им в дверь Итана. Я разламываю свое печенье и достаю предсказание. «Если прольешь свет на свои недостатки, все твои совершенности померкнут».

- А это мне нравится, - говорит он.

Я следую его примеру: комкаю предсказание и швыряю в дверь.

- Я - граммар-наци. Совершенства, а не совершенности.

- Поэтому мне и нравится. Единственное слово, в котором сделана ошибка, - «совершенство». Какая ирония.

Он подползает к двери, хватая бумажку и снова приваливается к стене. Бумажку он протягивает мне.

- Мне кажется, ты должна оставить это себе.

Я тут же отпихиваю его руку с предсказанием.

- Не хочу, чтобы что-то напоминало мне об этом моменте.

Он задумчиво смотрит на меня.

- Да. Я тоже.

Похоже, мы оба начинаем нервничать из-за того, что дверь может открыться в любую минуту. Поэтому мы просто прислушиваемся к их голосам и молчим. Грэм дергает нитки из джинсов на правом колене, пока на полу не образовывается кучка волокон, а колено остается почти голым.

Я беру нитку и кручу между пальцами.

- По вечерам мы обычно играли в одну словесную игру на ноутбуках, - говорит он. - Я это хорошо умею. Это я научил Сашу играть, но она всегда выигрывала. Каждый вечер, блин. - Он вытягивает ноги. Они намного длиннее моих. - Это производило на меня впечатление, пока я не увидел в ее банковской выписке плату за игру в восемьсот долларов. Она покупала дополнительные буквы по пять долларов за штуку, просто чтобы побить меня.

Я пытаюсь представить, как этот парень по вечерам играет в компьютерную игру, но у меня не получается. Легче представить, как он читает романы, два раза в день наводит дома чистоту, аккуратно складывает носки и венчает все это совершенство утренней пробежкой.

- Итан не умеет менять колесо. С тех пор как мы вместе, у нас два раза спускалась покрышка, и оба раза ему приходилось вызывать эвакуатор.

Грэм слегка качает головой:

- Я, конечно, не ищу для этого убудка оправданий, но в этом нет ничего страшного. Многие парни не умеют менять колеса.

- Я знаю. Это не самое страшное. Самое страшное в том, что я-то умею. Он просто мне не разрешал, потому что ему было бы неловко стоять и смотреть, как девушка возится с колесом.

В выражении лица Грэма я вижу что-то новое. То, чего раньше не замечала. Может быть, озабоченность? Он пронзает меня серьезным взглядом.

- Не вздумай простить ему это, Квинн.

От его слов у меня все сжимается в груди.

- Не прощу, - говорю я с полной уверенностью. - Вообще больше не хочу его видеть. Я все удивляюсь, почему не плачу. Может быть, это знак.

Он понимающе смотрит на меня, и морщинки вокруг его глаз немного разглаживаются.

- Плакать ты будешь ночью. В подушку. Вот тогда будет больнее всего. Когда останешься одна. - От этого замечания мне становится совсем тошно. Плакать не хочется, но я понимаю, что теперь все это может обрушиться на меня в любую минуту. Я познакомилась с Итаном, едва поступив в колледж, мы встречались четыре года. Слишком много всего между нами было, чтобы потерять это в один миг. И пусть я знаю, что все кончено, скандалить с ним я не хочу. Хочу просто уйти и покончить с этой историей. Мне не нужен ни разрыв, ни даже объяснения, но, боюсь, ночью, когда я останусь одна, я воображу, что мне требуется и то и другое.

- Нам, кажется, нужно сдать тесты на ЗППП.

Слова Грэма и страх, который меня после них охватывает, отходят на задний план, когда я слышу приглушенный голос Итана.

Он идет к выходу. Я поворачиваюсь к двери, но Грэм касается моего лица и снова привлекает к себе мое внимание.

- Худшее, что мы можем сейчас сделать, Квинн, это проявить эмоции. Не злись. И не плачь.

Я прикусываю губу и киваю, пытаюсь удержать в себе все, что, как я хорошо понимаю, мне сейчас захочется выкрикнуть.

- Хорошо, - шепчу я, и в этот момент дверь начинает открываться.

Я пытаюсь сохранить самообладание, как Грэм, но неотвратимое появление Итана вызывает у меня тошноту. Ни один из нас не смотрит на дверь. Взгляд Грэма делается жестким, он размеренно дышит, не сводя с меня пристального взгляда. Я и представить не могу, что подумает Итан через две секунды, когда откроет дверь. Сначала он меня не узнает. Он подумает, что это просто случайная парочка расселась на полу на лестничной площадке его дома.

– Квинн?

Я слышу, как Итан произносит мое имя, и закрываю глаза, не поворачиваясь на его голос. Слышу, как Итан делает шаг из квартиры. Сердце, как мне кажется, бьется во всех частях моего тела, но сильнее всего – в ладонях Грэма, обхвативших мои щеки. Итан снова произносит мое имя, но это больше похоже на команду посмотреть на него. Я открываю глаза, но продолжаю смотреть на Грэма. Дверь распахивается еще шире, и девушка потрясенно ахает.

Саша. Грэм моргает, еще секунду держит глаза закрытыми и делает вдох, чтобы успокоиться. Наконец он открывает глаза.

– Грэм? – говорит Саша.

– Черт, – бормочет Итан.

Грэм не смотрит на них. Он продолжает смотреть на меня.

Спокойно, словно наши жизни не рушатся сейчас вокруг нас, Грэм спрашивает:

– Проводить тебя вниз?

Я киваю.

– Грэм! – Саша произносит его имя так, будто имеет право злиться на него за то, что он здесь.

Мы с Грэмом встаем. В сторону квартиры Итана даже не смотрим. Грэм крепко сжимает мою руку и ведет меня к лифту.

Она идет прямо за нами, потом стоит рядом с нами, пока мы ждем лифт. Она крутится возле Грэма, дергает его за рукав рубашки. Он сжимает мою руку немного сильнее, и я возвращаю пожатие, давая понять, что мы вполне способны обойтись без сцен. Просто войти в лифт и уехать.

Двери открываются, Грэм пропускает меня вперед, потом входит сам. Входит так, что для Саши не остается места. Он загораживает дверной проем, и мы вынуждены развернуться в сторону дверей. В сторону Саши. Он нажимает кнопку первого этажа, и, когда двери начинают закрываться, я наконец поднимаю глаза.

И замечаю две вещи.

1. Итана больше нет на площадке, дверь в его квартиру закрыта.

2. Саша гораздо красивее меня. Даже когда плачет.

Двери закрываются, и мы долго молча едем вниз. Грэм так и не выпустил мою руку, мы не разговариваем, но и не плачем. Молча выходим из лифта и идем через холл. Винсент открывает и придерживает для нас дверь, при этом смотрит на нас обоих извиняющимся взглядом. Грэм достает бумажник и сует Винсенту пригоршню банкнот.

– Спасибо за номер квартиры, – говорит Грэм.

Консьерж кивает и берет деньги, глядя на меня извиняющимся взглядом. Я обнимаю Винсента: скорее всего, мы больше не увидимся.

Вывалившись на улицу, мы с Грэмом, как оглушенные, стоим на тротуаре. Интересно, изменился ли для него мир, потому что для меня он определенно стал другим. Все стало другим – небо, деревья, прохожие. Все выглядит несколько безнадежнее, чем до того, как я вошла в дом Итана.

– Поймать тебе такси? – наконец спрашивает он.

– Я на машине. Вон она. – Я указываю на другую сторону улицы.

Он оглядывается на дом.

- Хочу убраться отсюда поскорее, пока она не спустилась.

Он, похоже, всерьез нервничает и сейчас вообще не в состоянии смотреть ей в глаза. По крайней мере, Саша старается. Она шла за Грэмом до самого лифта, а вот Итан просто вернулся домой и закрыл дверь.

Грэм оглядывается на меня, его руки в карманах куртки. Я плотно закутываюсь в пальто. Мне больше нечего сказать, разве что попрощаться.

- До свидания, Грэм.

У него отсутствующий взгляд, словно его вообще здесь нет. Он делает шаг назад. Два шага. Потом резко поворачивается и уходит в другом направлении.

Я оглядываюсь на дом: из дверей как раз вываливается Саша. За ее спиной стоит Винсент и смотрит на меня. Он машет мне, я поднимаю руку и машу ему в ответ. Мы оба знаем, что это на прощание. Больше ноги моей в этом доме не будет. Пусть даже в квартире Итана валяется куча моих вещей. Я бы предпочла, чтобы он их просто выкинул, - лишь бы больше не видеть его.

Саша смотрит налево, потом направо в надежде увидеть Грэма. Как бы не так. Зато она видит меня. Интересно, она вообще представляет, кто я такая? Сказал ли ей Итан, что в следующем месяце у него свадьба? Что только утром мы говорили по телефону и он уверял меня, что отсчитывает секунды до того, как сможет назвать меня своей женой? Знает ли она, что, когда я ночую у Итана, он не желает принимать душ без меня? И что простыни, на которых он только что ее трахал, подарила на помолвку моя сестра? Знает ли она, что Итан плакал, когда я ответила согласием на его предложение?

Наверное, не знает. Иначе вряд ли она так просто выбросила бы на помойку отношения с парнем, который за час произвел на меня большее впечатление, чем Итан за четыре года.

Настоящее

Наш брак не рухнул. Не развалился в одночасье.

Все происходило гораздо медленнее.

Он, скажем так, постепенно усыхал.

Я даже не уверена, кто виноват больше. Начинали мы мощно. Мощнее, чем большинство, я в этом уверена. Но за последние несколько лет у нас как будто кончились силы. Больше всего раздражает наше виртуозное умение притворяться, будто ничего не изменилось. Мы не говорим об этом. Мы во многом похожи, и одна из наших общих черт – способность избегать проблем, требующих повышенного внимания. В нашу защиту скажу одно: трудно признать, что браку пришел конец, когда любовь еще не ушла. Люди привыкли считать, что брак заканчивается только с утратой любви. Когда на место счастья приходит злость. Когда блаженство сменяется презрением. Но мы с Грэмом не злимся друг на друга. Мы просто стали другими.

Иногда люди меняются, но в браке это не всегда заметно, потому что супруги меняются вместе, в одну сторону. Но иногда люди меняются в противоположные стороны.

Мы с Грэмом так давно смотрим в противоположные стороны, что я даже не могу вспомнить, какие у него глаза, когда он внутри меня. Зато уверена, что он помнит, как выглядит каждый волосок на моем затылке, когда я отворачиваюсь от него по ночам.

Люди не всегда замечают, во что их превращают обстоятельства.

Я смотрю на свое обручальное кольцо и кручу его большим пальцем, вращаю по бесконечному кругу.

Когда Грэм покупал его, ювелир объяснил, что обручальное кольцо – символ вечной любви. Бесконечный круг. Начало становится серединой, а конца быть не может.

Но этот ювелир не сказал ни слова о том, что кольцо символизирует вечное счастье. Только вечную любовь. Беда в том, что любовь и счастье не совпадают. Одно может существовать без другого.

Я рассматриваю кольцо, палец, деревянную шкатулку, которую держу в руках. Внезапно из ниоткуда слышится голос Грэма:

- Что ты делаешь?

Я медленно поднимаю голову, совершенно не удивляясь внезапному появлению Грэма в дверях. Он уже снял галстук, три верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Он прислоняется к дверному косяку и смотрит на меня, с интересом сдвинув брови.

Вся комната наполняется его присутствием.

Я наполняю ее исключительно своим отсутствием.

После всех этих лет, что я его знаю, в нем до сих пор остается что-то загадочное. Какая-то тайна читается в его темных глазах и лежит печатью на всех мыслях, которые он никогда не высказывает. Молчаливость – вот что привлекло меня в нем в день нашей первой встречи. Она придавала мне спокойствия.

Странно, но теперь из-за той же его молчаливости я чувствую себя неловко. Я даже не пытаюсь спрятать деревянную шкатулку. Слишком поздно, он смотрит прямо на нее. Я отвожу от него взгляд и тоже смотрю на шкатулку, которую держу в руках. Она лежала на чердаке, никто ее не трогал, о ней почти забыли. Я наткнулась на нее сегодня, когда искала свое свадебное платье. Просто хотела посмотреть, по-прежнему ли оно мне впору. Платье сидело безукоризненно, но я выглядела в нем иначе, чем семь лет назад.

Я выглядела более одинокой.

Грэм делает несколько шагов в спальню. На его лице я вижу затаенный страх. Он переводит взгляд со шкатулки на меня и ждет, что я объясню, почему держу ее в руках. Почему она вообще оказалась в спальне. Зачем я забрала ее

с чердака. Зачем – не знаю. Но то, что я держу ее, безусловно, продиктовано сознательным решением, поэтому я не могу ответить чем-то невинным вроде «не знаю».

Он подходит ближе, и я чувствую острый запах пива. Он никогда не был большим любителем выпить, разве только по четвергам, когда ужинает с коллегами. И мне вообще-то нравится, как от него пахнет по вечерам в четверг. Наверняка, если бы он пил каждый день, да еще не знал меры, этот запах казался бы мне противным. И мы бы из-за этого ругались. Но Грэм знает меру во всем. У него есть распорядок, и он его соблюдает. Эту черту его характера я считаю одной из самых сексуальных. По четвергам я всегда с нетерпением ждала его возвращения. Иногда наряжалась для него и ждала его прямо здесь, на кровати, предвкушая сладкий вкус его губ.

Сегодня я забыла, что надо предвкушать, и это о многом говорит.

– Квинн?

Я слышу все его страхи, расколовшиеся и безмолвно сочащиеся между буквами моего имени. Он подходит ко мне, и я неотрывно смотрю ему в глаза. В них я читаю неуверенность и беспокойство и задумываюсь, с каких пор он смотрит на меня именно так. Прежде он делал это с радостью и благоговением. Теперь от его взгляда мне хочется плакать. Мне надоело, что он так на меня смотрит, надоело, что я не знаю, как отвечать на его вопросы. Мы с мужем уже давно не на одной волне. Я больше не знаю, как с ним общаться. Иногда, когда я открываю рот, мне кажется, что ветер задувает все мои слова обратно в горло.

Я скучаю по дням, когда мне казалось, что я лопну, если немедленно не расскажу ему все-все-все. И по тем дням, когда ему казалось, что, пока мы спим, время обманывает нас. Иногда по утрам я просыпалась и замечала на себе его взгляд. Он улыбался и шептал: «Что я пропустил, пока ты спала?» Я переворачивалась на бок и рассказывала ему свои сны, и иногда он так смеялся, что на глазах у него выступали слезы. Он толковал хорошие сны и отметал дурные. Он всегда умел сделать так, чтобы я чувствовала, что мои сны лучше, чем у всех остальных.

Теперь он больше не спрашивает, что пропустил, пока я спала. Не знаю, то ли ему неинтересно, то ли мне просто перестали сниться сны, которыми стоило бы

поделиться.

Я осознаю, что все еще верчу на пальце обручальное кольцо, только когда Грэм наклоняется и останавливает его пальцем. Он нежно переплетает свои пальцы с моими и осторожно отводит мою руку от деревянной шкатулки. Интересно, он намерен продемонстрировать мне, что я держу в руках что-то вроде взрывчатки, или это действительно то, что он сейчас чувствует?

Он приподнимает мое лицо, наклоняется вперед и целует меня в лоб.

Я закрываю глаза и слегка отстраняюсь, делая вид, что еще раньше начала делать это движение. Его губы касаются моего лба, когда я уже встаю с кровати, и ему приходится отпустить меня и смиренно шагнуть назад.

Я называю это танцем разводящейся четы. Первый партнер делает попытку поцелуя, второй ее отвергает, первый делает вид, что не заметил. Мы уже давно танцуем этот самый танец.

Я откашливаюсь, сжимаю в руках шкатулку и иду к книжному шкафу.

– Нашла на чердаке, – говорю я, наклоняюсь и задвигаю шкатулку между двумя книгами на нижней полке. Грэм сделал мне этот шкаф в подарок на первую годовщину свадьбы. Я была потрясена: он смастерил его из ничего и своими руками. Помню, когда он заносил его в спальню, то занозил ладонь, а я в знак благодарности высосала занозу. А потом толкнула его к шкафу, опустилась на колени и еще раз выразила благодарность.

Это было тогда, когда прикосновения друг к другу еще что-то сулили.

Теперь его прикосновение – просто очередное напоминание обо всем, чем я для него никогда не буду. Я слышу, как он идет ко мне через комнату, поэтому встаю и хватаюсь за книжную полку.

– Зачем ты принесла это с чердака? – спрашивает он.

Я не смотрю ему в глаза, потому что не знаю, что ответить.

Он сейчас стоит совсем близко; его дыхание скользит по моим волосам, каждый выдох шевелит волосы на затылке. Его ладонь накрывает и сжимает мою руку, которой я цепляюсь за книжный шкаф. Он прижимается губами к моему плечу в тихом поцелуе.

Я отчаянно хочу его, и это действует мне на нервы. Я хочу повернуться и наполнить его рот своим языком. Я скучаю по его вкусу, его запаху, его звукам. Я скучаю по тому времени, когда он был на мне, настолько поглощенный мной, что казалось, будто он готов разорвать мою грудь, просто чтобы увидеть мое сердце, когда мы занимаемся любовью. Странно, как можно скучать по человеку, который рядом. Странно, что можно скучать о сексе с человеком, с которым все еще занимаешься сексом.

Как бы я ни оплакивала наш брак, я сама отчасти, если не полностью, отвечаю за ту его разновидность, в которую он превратился. Закрываю глаза: я в себе разочарована. Это ведь я довела до совершенства свое искусство уклоняться. Я уклоняюсь от Грэма настолько искусно, что иногда даже не уверена, замечает ли он это. Ночью я притворяюсь, что засыпаю раньше, чем он ложится в постель. Когда в темноте мое имя слетает с его губ, я притворяюсь, что не слышу. Я притворяюсь занятой, когда он подходит ко мне, притворяюсь больной, когда чувствую себя хорошо, притворяюсь, что случайно запираю дверь ванной, когда принимаю душ.

Я притворяюсь счастливой, когда дышу.

Но мне становится все труднее притворяться, будто мне нравятся его прикосновения.

Они мне не нравятся – просто они мне необходимы. Есть разница. Поэтому я задумываюсь, не притворяется ли он так же усиленно, как я. Действительно ли он хочет меня так сильно, как утверждает? Вправду ли не хочет, чтобы я отстранялась? Или втайне благодарен мне за это?

Он обнимает меня одной рукой, и его пальцы касаются моего живота. Живота, который все еще легко влезает в мое свадебное платье. Живота, не испорченного беременностью.

По меньшей мере это у меня осталось. Живот, которому позавидовали бы большинство мамаш.

– Тебе когда-нибудь... – Его голос звучит тихо и нежно, и он, похоже, до смерти боится спросить о том, о чем собирается меня спросить. – Тебе когда-нибудь приходило в голову открыть ее?

Грэм никогда не задает вопросов, на которые ему не нужны ответы. Мне всегда это в нем нравилось. Он не заполняет пустоту ненужными разговорами. Ему либо есть что сказать, либо нет. Либо он хочет знать ответ на вопрос, либо нет. И он бы ни за что не стал спрашивать, не приходило ли мне в голову открыть шкатулку, если бы ему не нужен был ответ.

Сейчас эта его черта не нравится мне больше всего. Мне ни к чему этот вопрос, потому что я не знаю, как ответить.

Я не хочу, чтобы ветер снова затолкал мои слова обратно в горло, и просто пожимаю плечами. После многих лет, в течение которых мы совершенствовали искусство уклоняться, он наконец прекращает танец разводящейся четы на время, достаточное, чтобы задать серьезный вопрос. Единственный вопрос, которого я уже давно от него жду. И что же я делаю?

Пожимаю плечами.

Наверное, следующие мгновения могут объяснить, почему ему потребовалось столько времени, чтобы задать этот вопрос. В этот момент я чувствую, как его сердце замирает; он прижимается губами к моим волосам и вздыхает – ответного вздоха он не получит; это момент, когда он понимает, что, хотя обнимает меня обеими руками, удержать меня не может. Он уже давно не может меня удержать. Трудно удержать того, кто давно ускользнул.

Я не реагирую. Он отпускает меня. Я выдыхаю.

Он выходит из спальни.

Мы возобновляем танец.

Прошлое

Небо перевернулось.

Совсем как моя жизнь.

Час назад я была помолвлена с мужчиной, в которого влюблена уже четыре года. Теперь это не так. Я включаю дворники на лобовом стекле и смотрю в окно, как люди прячутся от дождя. Некоторые, в том числе Саша, бегут в дом Итана.

Непонятно, откуда взялся дождь. Никаких капель, предвещающих катаклизм, не было. Небо просто опрокинулось, как ведро с водой, и теперь огромные брызги тяжело падают на окно моей машины.

Интересно, Грэм далеко живет? Может, он еще на улице?

Я включаю поворотник и в последний раз в жизни выезжаю со своего обычного места на парковке у дома Итана. Я направляюсь в сторону, куда несколько минут назад пошел Грэм. Едва свернув налево, я вижу, как он ныряет в ресторан, чтобы спрятаться от грозы.

«Конкистадоры». Это мексиканский ресторан. Мне там не очень нравится. Но он нравится Итану, и это недалеко от его дома, так что мы едим здесь по меньшей мере раз в месяц.

С парковочного места перед рестораном как раз выезжает машина. Я терпеливо жду, пока она уедет, после чего паркуюсь на ее месте и выхожу. Что я скажу Грэму, когда войду в ресторан, я не знаю.

– Тебя подвезти?

– Составить компанию?

– Что скажешь о ночи секса в отместку?

Кого я обманываю? Меньше всего на свете мне хочется секса в отместку. И я пошла за Грэмом не поэтому, так что, надеюсь, увидев меня, он ничего такого не подумает. Я все еще не знаю, почему потащила за ним. Может быть, потому, что не хочу быть одна. Потому что, как он сказал, слезы придут позднее, в тишине.

Дверь за мной закрывается, и, когда мои глаза привыкают к тусклому освещению ресторана, я замечаю Грэма. Он стоит у барной стойки. Завидев меня, он снимает мокрую куртку и вешает на спинку стула. Кажется, мое появление его совершенно не удивляет. Он отодвигает соседний стул и ждет в полной уверенности, что я подойду и сяду.

Я так и делаю. Сажусь рядом с ним, и никто из нас не произносит ни слова.

Безмолвные товарищи по несчастью.

– Могу я предложить что-нибудь выпить? – спрашивает бармен.

– Пару порций чего-нибудь, что поможет нам забыть последний час нашей жизни, – говорит Грэм.

Бармен смеется, но никто из нас не смеется вместе с ним. Он видит, что Грэм абсолютно серьезен, и поднимает палец.

– У меня найдется как раз то, что нужно. – Он идет в другой конец бара.

Я чувствую, что Грэм наблюдает за мной, но не смотрю на него. Мне совсем не хочется видеть, какие у него грустные глаза. Я расстроена за него чуть ли не сильнее, чем за себя.

Я ставлю перед собой вазочку с крекерами. Они все разной формы. Я выгребаю все палочки и раскладываю их на стойке в виде решетки. Затем достаю все крекеры в форме буквы «О», а Грэму подвигаю вазочку, где остались крендельки в традиционной форме узелков.

Я кладу свой крекер в центр сетки. Смотрю на Грэма и спокойно жду. Он смотрит на соломку, которую я стратегически разложила на стойке, и переводит взгляд на меня. На его лице очень медленно проявляется улыбка. Он достает из вазочки кренделек и кладет на квадрат над моим. Я выбираю место слева от центрального квадрата и аккуратно выкладываю очередной крекер.

Бармен ставит перед нами две рюмки. Мы поднимаем их одновременно и поворачиваем стулья так, чтобы оказаться лицом друг к другу.

Добрых десять секунд мы сидим молча и ждем, когда другой произнесет тост. Наконец Грэм говорит:

- Мне абсолютно не за что поднимать тост. Да сгинет сегодняшний день!

- Да сгинет.

Я полностью с ним согласна. Мы чокаемся и запрокидываем головы. У Грэма, похоже, пошло лучше, чем у меня. Он со стуком ставит рюмку на стойку, берет крекер и делает следующий ход.

Я тоже беру крекер, и тут в кармане куртки начинает жужжать телефон. Я достаю его и вижу на экране имя Итана.

Потом телефон достает Грэм и кладет его на стойку.

На экране высвечивается имя Саши. Смешно, ничего не скажешь.

Представляю, что они подумали, когда вышли и увидели, как мы вдвоем сидим на полу вместе и едим их китайскую еду.

Телефон лежит на стойке экраном вверх. Грэм кладет на него палец, но вместо того, чтобы ответить, толкает телефон. Я смотрю, как аппарат скользит по стойке и исчезает за ее краем. Слышу, как он с грохотом падает на пол по другую сторону стойки. Но Грэма, похоже, совершенно не беспокоит разбитый телефон.

- Ты сломал свой телефон.

Он закидывает в рот кренделек.

- Там нет ничего, кроме фотографий и сообщений от Саши. Завтра куплю новый.

Я кладу свой телефон на стойку и смотрю на него. На мгновение воцаряется тишина, но тут снова звонит Итан. Как только я вижу его имя на экране, у меня возникает желание сделать то же, что Грэм.

Так или иначе, мне тоже нужен новый телефон.

Звонки прекращаются, и от Итана тут же приходит эсэмэска. Я подталкиваю телефон. Мы оба смотрим, как он скользит по стойке и падает.

Мы возвращаемся к игре в крестики-нолики. Первую партию выигрываю я, вторую Грэм. Третья – ничья.

Грэм съедает еще один крендель.

Не знаю, то ли от выпивки, то ли я просто не в себе от всей этой неразберихи, но каждый раз, когда Грэм смотрит на меня, я чувствую, что его взгляд оставляет на коже мурашки. На груди и вообще везде. Не могу понять, из-за него я нервничаю или просто опьянела. В любом случае это лучше, чем опустошение, которое я чувствовала бы сейчас одна дома.

Я заменяю кусочек решетки, который только что съел Грэм, и говорю:

- Должна тебе кое в чем признаться.

- В чем бы ты ни призналась, это вряд ли превзойдет последние пару часов моей жизни. Давай колись.

Я опираюсь локтем о стойку, кладу голову на руку и искоса смотрю на него.

- Саша вышла из дома. После того как ты ушел.

Грэм по моему лицу видит, что мне стыдно. Его брови удивленно приподнимаются.

- Что ты натворила, Квинн?

- Она спросила, в какую сторону ты пошел. Я не сказала.

Я выпрямляюсь и поворачиваю стул так, чтобы сидеть к нему лицом.

- Но прежде чем сесть в машину, я обернулась и сказала: «Восемьсот долларов за игру в слова? Ты в своем уме, Саша?»

Грэм смотрит на меня. Пристально. Тут я задумываюсь, не перешла ли допустимую грань. Наверное, мне не следовало ничего говорить Саше, но уж очень я рассердилась. И ничуть об этом не жалею.

- Ну а она? Что она сказала?

Я качаю головой.

- Ничего. Разинула рот от удивления, но тут начался дождь, и она побежала обратно в дом Итана.

Грэм все пялится на меня. Ужасно. Лучше бы он рассмеялся или разозлился из-за того, что я влезла. Хоть что-нибудь.

Он молчит.

Наконец он опускает глаза и смотрит в пол между нами. Мы сидим лицом друг к другу, но наши ноги не соприкасаются. Рука Грэма, которую он держал на колене, немного подвигается вперед, пока его пальцы не касаются моей коленки чуть ниже края юбки.

Это одновременно и тонко, и очевидно. От его прикосновения у меня напрягается все тело. Не потому, что мне не нравится, просто не могу вспомнить, когда в последний раз ощущала такую же волну тепла от прикосновения Итана.

Грэм чертит пальцем круг на моей коленке. Потом снова смотрит на меня, но выражение его глаз меня не смущает. Хотя мне совершенно ясно, о чем он сейчас думает.

- Пойдем отсюда? - его голос звучит одновременно тихо и требовательно.

Я киваю.

Грэм встает, достает бумажник, кладет несколько купюр на стойку бара и надевает куртку. Потом наклоняется, переплетает свои пальцы с моими и ведет меня через зал за дверь, надеюсь, к чему-то, ради чего в этот день стоило проснуться.

4

Настоящее

Однажды Грэм спросил, почему я так долго принимаю душ. Не помню, какую тогда придумала отговорку. Кажется, сказала, что это меня успокаивает или что горячая вода полезна для кожи. На самом деле я подолгу бываю в ванной, потому что это единственное время, когда можно позволить себе горевать.

Я понимаю, что потребность горевать - это проявление слабости, ведь никто не умер. Нет никакого смысла так убиваться о тех, кого никогда даже не существовало.

Я уже полчаса как в ванной. Проснувшись утром, я ошибочно предположила, что сегодня приму душ быстро и безболезненно. Удивляться было нечему. Это происходит каждый месяц. С тех пор, как мне исполнилось двенадцать.

Я стою, прислонившись к стенке душевой кабины так, чтобы струи лились мне на лицо. Вода разбавляет мои слезы, отчего я чувствую себя не такой жалкой. Легче убедить себя, что я не плачу в три ручья, что большая часть влаги, стекающей по моим щекам, - это вода.

Я делаю макияж.

Иногда такое случается. Только что я стояла под душем, а через секунду меня уже там нет. Я теряюсь в своем горе. Теряюсь так, что к моменту, когда я выбираюсь из тьмы, оказывается, что я уже в другом месте. Вот оно, другое место: я стою голая перед зеркалом в ванной.

Я провожу помадой по нижней губе, потом по верхней. Откладываю ее и смотрю на свое отражение. Глаза покраснели от слез, но макияж нормальный, волосы зачесаны назад, одежда аккуратно сложена на стойке. Прикрыв грудь ладонями, я рассматриваю себя в зеркале.

С виду я совершенно здорова. Широкие бедра, плоский живот, упругая грудь среднего размера. Мужчины нередко задерживают на мне взгляд. Но внутри я совсем нехороша. По стандартам матери-природы я нехороша внутри, потому что у меня не работает репродуктивная система. В конце концов, мы существуем благодаря размножению. Оно необходимо для завершения жизненного цикла. Мы рождаемся, размножаемся, растим наше потомство, умираем, наши потомки размножаются, растят свое потомство, потом и они умирают. Поколение за поколением рождается, живет и умирает.

Прекрасный круг, который не должен прерываться.

А я... Я его разорвала.

Я родилась. Это все, на что я способна, пока не умру. Я стою за пределами круга жизни и наблюдаю, как вращается мир, а сама в это время нахожусь в тупике. И Грэм в тупике, раз он женат на мне.

Я натягиваю одежду, прикрывая тело, столько раз подводившее нас. Захожу на кухню и обнаруживаю там Грэма перед кофеваркой. Он смотрит на меня, а я не хочу, чтобы он знал о крови или о моем горе, поэтому совершаю ошибку – улыбаюсь ему. Тут же стираю улыбку, но поздно. Он решил, что у меня сегодня хорошее настроение. Мои улыбки вселяют в него надежду. Он подходит ко мне, потому что я, как идиотка, не успела взять в руки свое обычное оружие. Обычно я забочусь о том, чтобы у меня были заняты обе руки: сумочка, стакан, зонтик, куртка. Иногда все вместе. Сегодня мне нечем оградить себя от его любви, поэтому он обнимает меня и желает доброго утра. Мне остается только обнять

его в ответ.

Мое лицо оказывается как раз между его шеей и плечом.

Его руки словно созданы для того, чтобы лежать на моей талии. Мне хочется прижаться губами к его коже и почувствовать языком, как по ней пробегают мурашки. Но если я так поступлю, то понятно, что за этим последует.

Его пальцы заскользят по моей талии.

Его рот, горячий и влажный, найдет мой.

Его руки освободят меня от одежды.

Он окажется внутри меня.

Он будет заниматься со мной любовью.

А когда он остановится, я буду преисполнена надежды.

А потом эта надежда вытечет из меня вместе с кровью.

И я пойду горевать под душем.

А Грэм спросит: «Почему ты так долго принимаешь душ?»

А я отвечу: «Потому что это меня успокаивает. Потому что горячая вода полезна для кожи».

Я закрываю глаза, упираюсь ладонями в его грудь и отстраняюсь. Я теперь так часто отстраняюсь от него, что иногда задаюсь вопросом: не отпечатались ли мои ладони на его груди?

– Во сколько ужин у твоей сестры?

Задавать вопросы – способ смягчить отказ. Если я, отстраняясь, спрашиваю о чем-то, это отвлекает внимание Грэма и делает мой жест менее личным.

Грэм возвращается к кофеварке и берет чашку.

Дуя на кофе, он пожимает плечами.

– Она заканчивает работу в пять. Так что, вероятно, в семь.

Я хватаю свое оружие. Сумочка, чашка, куртка.

– Хорошо. Тогда до встречи. Люблю тебя.

Я целую его в щеку, оружие надежно разделяет нас.

– Я тоже тебя люблю.

Он говорит моему затылку. Я редко даю ему возможность сказать эти слова мне в лицо.

Добравшись до машины, я отправляю сообщение Аве, моей сестре.

«Не в этом месяце».

Она единственная, с кем я сейчас могу это обсуждать. С Грэмом я перестала говорить о своем цикле еще в прошлом году. Каждый месяц с тех пор, как много лет назад мы начали пытаться завести ребенка, Грэм, узнав, что я не беременна, утешал меня. Вначале я ценила это. Даже страстно желала этого. Но шли месяцы, и я стала бояться говорить ему, насколько я сломлена. А если я начала бояться, что ему придется утешать меня, значит, он, скорее всего, уже устал от постоянного разочарования. В начале прошлого года я решила: подниму этот вопрос только в том случае, если результат будет иным.

Пока результат неизменен.

«Как жаль, детка, – пишет мне в ответ сестра. – Ты занята? У меня новость».

Я выезжаю с подъездной дорожки, переключаю телефон на Bluetooth и звоню ей. Она отвечает в середине первого гудка. Вместо приветствия она говорит:

– Я знаю, что ты не хочешь говорить о себе, так что давай поговорим обо мне.

Я рада, что она меня понимает.

– Так что за новость?

– Он получил эту работу.

Я сжимаю руль и стараюсь, чтобы в моем голосе звучало воодушевление.

– Что ты говоришь! Ава, вот здорово!

Она вздыхает и явно старается, чтобы в ее голосе звучала грусть:

– Мы уезжаем через две недели.

Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы, но на сегодня уже достаточно выплакалась. Я искренне рада за нее. Но Ава – моя единственная сестра, и теперь она уезжает на другой конец света. Ее муж Рид родом из Франции, из огромной семьи, и еще до того, как они поженились, Ава говорила, что рано или поздно они переедут в Европу. Ей всегда ужасно этого хотелось, поэтому я знаю, что она сдерживает свой восторг из чувства такта: мне-то грустно оттого, что она уезжает так далеко. Я знала, что Рид в прошлом месяце откликнулся на несколько вакансий, но где-то в глубине души эгоистично надеялась, что его никуда не пригласят.

– Вы переезжаете в Монако?

– Нет, Рид будет работать в «Империи». Это в другой стране, но до Монако всего час езды. Европа такая крошечная, даже странно. Здесь после часа езды доедешь в лучшем случае до Нью-Йорка. А в Европе за час оказываешься в стране, где говорят на другом языке.

Я даже не знаю, где находится «Империя», но для Авы это явно звучит лучше, чем Коннектикут.

- Ты уже сказала маме?

- Нет, - говорит она. - Представляю, какой она устроит спектакль, поэтому решила сказать ей об этом лично. Как раз еду к ней.

- Ну, удачи тебе.

- Спасибо, - говорит она. - Я позвоню тебе и сообщу, рвет ли она на себе волосы. Увидимся завтра за обедом?

- Да, я приду. И у нее будет целый день, чтобы успокоиться.

Мы заканчиваем разговор. Я застаю на красном светофоре на пустой улице.

В буквальном и переносном смысле.

* * *

Мой отец умер, когда мне было всего четырнадцать. Вскоре мама снова вышла замуж. Меня это не удивило. И даже не расстроило. Отношения между родителями всегда оставляли желать лучшего. Нет, наверное, вначале у них все было хорошо, но к тому времени, когда я достаточно повзрослела, чтобы понимать, что такое любовь, я уже видела, что между ними ее нет.

Думаю, что оба раза мама выходила замуж не по любви. От спутника жизни ей всегда требовались в первую очередь деньги. Отчим покорила ее не столько своими личными достоинствами, сколько пляжным домиком на Кейп-Коде.

Вопреки ее гардеробу и манере поведения мама не из богатых. Она выросла в Вермонте, в довольно стесненных условиях - вторая по возрасту из семи детей. За отца она вышла замуж, когда он был умеренно богат, и после того, как родились мы с сестрой, она потребовала, чтобы он купил ей дом в Олд-Гринвиче, штат Коннектикут. То, что ему приходилось работать вдвое усерднее,

чтобы позволить себе такую расточительную супругу, не имело значения. Думаю, на работе ему нравилось больше, чем дома.

После смерти отца в семье остались средства, но их было слишком мало, мама не могла вести образ жизни, к которому привыкла. Но вскоре она исправила положение. Они с отчимом поженились на частной церемонии всего через год после похорон отца. Ее режим экономии продлился менее восьми месяцев.

Хотя мы с сестрой выросли в богатом окружении, ни она, ни я не богаты и никогда богатыми не были. Все, что много лет назад оставил нам отец, мама давно потратила. А у отчима есть родные дети, которые после его смерти унаследуют все его имущество. Вот почему мы с Авой никогда не считали себя богатыми, несмотря на то что росли и воспитывались среди состоятельных людей. И вот почему, окончив колледж, мы сразу же начали работать и самостоятельно оплачивать свои счета. Я никогда не прошу у мамы денег. Во-первых, считаю, что взрослой замужней женщине негоже сидеть на шее у родителей. А во-вторых, она никогда не дает просто так. Всегда с какими-то оговорками.

Конечно, время от времени она что-то делает для нас с Авой, и мы ей за это очень благодарны. Например, на прошлое Рождество она подарила нам по машине. А когда я окончила колледж, еще до встречи с Грэмом, она помогла мне найти квартиру и оплатила первый месяц аренды. Но чаще всего она тратит на нас деньги с пользой для себя. Например, покупает нам одежду, которую, по ее мнению, мы станем носить, потому что ей не нравятся вещи, которые мы приобретаем сами. Или дарит нам на день рождения абонемент в спа-салон, посещать который мы должны вместе с ней. Она может заявиться к кому-то из нас домой, раскритиковать нашу мебель, а через два дня после ее отъезда приезжает фургон с новой мебелью, которую она выбрала сама.

Грэм просто ненавидит подобные выходки. Он говорит, что подарок – вещь приятная, но целый диван – это уже оскорбление. Не то чтобы я не благодарна ей за все, что она для меня делает. Просто я знаю, что должна сама прокладывать себе путь в жизни, потому что, хотя деньги меня окружают, они не оттягивают мне карманы.

В частности, я всегда была благодарна ей за наши еженедельные обеды. Мы с Авой в обязательном порядке обедаем с мамой в загородном клубе недалеко от ее дома. Я терпеть не могу это место, но всегда рада побыть с Авой, и мы

все же достаточно любим маму, чтобы ждать этих еженедельных обедов с нетерпением.

Но я подозреваю, что теперь, когда Ава переезжает в Европу, все изменится. Всю следующую неделю она будет готовиться к переезду, а значит, этот наш обед последний. Полнота жизни, которую она сейчас переживает, только подчеркнула мою опустошенность.

– А ты не сможешь каждую неделю прилетать на обед? – спрашиваю я у Авы. – А то как я, по-твоему, должна развлекать твою мать в одиночку?

Когда мы говорим о маме, мы всегда называем ее «твоя мать». Мы начали говорить так в шутку еще в старших классах, но теперь произносим это так часто, что в ее присутствии нам приходится следить за собой, чтобы не оговориться.

– Бери с собой айпад и вызывай меня по скайпу, – говорит она.

Я смеюсь.

– Не искушай меня.

Ава берет телефон, читает сообщение и аж подпрыгивает.

– У меня собеседование!

– Быстро, однако. А что за работа?

– Учительница английского в местной средней школе. Зарплата хреновая, зато, если я буду там работать, научусь ругаться по-французски и по-итальянски в два счета.

Рид зарабатывает достаточно, чтобы Ава могла не работать, но она всегда работала. Она говорит, что роль домохозяйки не для нее, и, думаю, именно это привлекло в ней Рида. Детей никто из них не хочет, а Аве всегда нравилось быть занятой, так что им это только на руку.

Иногда я завидую ее нежеланию иметь детей.

Если бы я не чувствовала себя такой неполноценной без ребенка, не было бы всех этих проблем в моей жизни и браке.

– Мне будет так странно без тебя, Ава, – говорит мама, занимая свое место за столом. Я заказала ей, как обычно, мартини с двойной порцией оливок. Она кладет сумочку на соседний стул и снимает оливку с зубочистки. – Даже не думала, что твой переезд так меня взволнует, – продолжает она. – Когда приедешь навестить меня?

– Я еще даже не уехала, – говорит Ава.

Мама вздыхает и берет меню.

– Поверить не могу, что ты нас покидаешь. По крайней мере, у тебя нет детей. Не представляю, что бы я чувствовала, если бы ты утащила от меня внуков.

Я усмехаюсь про себя. Такой мастерицы устраивать спектакли, как мама, я в жизни не видела. Не уверена, что она так уж жаждала быть матерью, когда мы с Авой были маленькими, и точно знаю, что она не спешит становиться бабушкой. Хоть эта черта ее характера мне на руку. Она не пристаёт ко мне по поводу детей. Только молит Бога, чтобы я не вздумала кого-нибудь усыновить.

Два года назад на одном из наших совместных обедов Ава заговорила об усыновлении. Мама сразу встала на дыбы.

– Квинн, только не говори мне, что ты готова воспитывать чужого ребенка, – сказала она. – С ним ведь могут возникнуть... проблемы.

Ава просто посмотрела на меня и закатила глаза, а потом отправила мне сообщение под столом: «Да, ведь с родными детьми никогда не бывает проблем. Твоей матери надо бы посмотретья в зеркало».

Я буду ужасно скучать по ней.

Я пишу ей: «Уже по тебе скучаю».

«Я еще здесь».

– Послушайте, девочки, неужели вы так и не научились вести себя за столом?

Я поднимаю глаза: мама неодобрительно смотрит на наши телефоны. Я закрываю свой и засовываю в сумочку.

– Как поживает Грэм? – спрашивает мама. Спрашивает исключительно из вежливости. Хотя мы с Грэмом женаты уже больше семи лет, ей все еще хочется, чтобы это был кто-то другой. В ее глазах он недостаточно хорош для меня, но не потому, что она хочет для меня лучшего. Будь на то мамина воля, Грэм был бы Итаном, а я жила бы в таком же большом доме, как она сама, и она могла бы хвастаться всем знакомым, насколько ее дочь богаче Эвелин Брэдбери.

– Превосходно, – говорю я, не вдаваясь в подробности. Потому что, честно говоря, только предполагаю, что Грэм поживает превосходно. Я давно уже понятия не имею, что он чувствует или думает, поживает ли он превосходно, хорошо или отвратительно. – Просто великолепно.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Я чувствую себя прекрасно. А что?

– Не знаю, – говорит она, окидывая меня взглядом. – Просто у тебя усталый вид. Ты высыпался?

– Ну ты даешь, – бормочет Ава.

Я закатываю глаза и беру меню. Мама обладает склонностью говорить гадости в лицо. Меня это никогда особо не беспокоит, так как мне и Аве достается поровну. Наверное, потому, что мы так похожи. Ава всего на два года старше меня. У нас одинаковые прямые каштановые волосы чуть ниже плеч. Одинаковые глаза того же цвета, что волосы. И, как утверждает мама, у обеих очень усталый вид.

Мы делаем заказ и в ожидании еды болтаем о пустяках.

Мы почти заканчиваем обед, когда кто-то подходит к нашему столику.

– Аврил?

Мы с Авой поднимаем глаза. Элеонора Уоттс перекладывает свою нежно-голубую сумку «Эрме» с одного плеча на другое. Ей кажется, что это ужасно тонкий маневр, но с таким же успехом она могла бы дубасить нас этой сумкой по голове, крича: «Посмотрите на меня! Я могу позволить себе сумочку за пятнадцать тысяч долларов!»

– Элеонора! – восклицает мама. Она встает, и они делают вид, что целуются. Элеонора смотрит на нас. Я заставляю себя улыбнуться.

– Квинн и Ава! Дамы, вы прекрасны, как всегда! – Я едва удерживаюсь, чтобы не спросить ее, не выгляжу ли я усталой. Она садится на свободное место и обхватывает сумку обеими руками. – Как поживаешь, Аврил? Я не видела тебя с тех пор... – Она замолкает.

– С торжества по случаю помолвки Квинн с Итаном Ван Кемпом, – заканчивает мама.

Элеонора качает головой.

– Поверить не могу, что прошло столько времени. Посмотреть на нас, так мы уже бабушки! Как это вообще могло случиться?

Мама берет свой бокал и отпивает глоток мартини.

– Я еще не бабушка, – говорит она так, словно хвастается. – Ава с мужем переезжают в Европу. Дети помешали бы их охоте к перемене мест, – говорит она, легкомысленно махнув рукой в сторону Авы.

Элеонора поворачивается ко мне, ее взгляд изучает мое обручальное кольцо и наконец возвращается к лицу.

– Ну а ты, Квинн? Ты ведь уже давно замужем, – говорит она со смехом, свидетельствующим о неведении.

Мои щеки горят, хотя я уже должна бы привыкнуть к таким разговорам. Я знаю, что люди не хотят быть бестактными, но от этого их замечания не делаются менее болезненными.

– Когда вы с Грэмом заведете ребеночка?

– Ты не хочешь детей?

– Продолжай стараться, и все получится!

Я прокашливаюсь и беру стакан с водой.

– Мы работаем над этим, – говорю я, прежде чем сделать глоток.

Я хочу, чтобы на этом все закончилось, но уж мама-то постарается, чтобы такого не произошло. Она наклоняется к Элеоноре, словно меня вообще здесь нет.

– Квинн борется с бесплодием, – говорит мама, словно это касается кого-то, кроме меня и Грэма.

Элеонора наклоняет голову и смотрит на меня с жалостью.

– О, бедняжка, – говорит она, накрывая мою руку своей ладонью. – Как жаль это слышать. А вы не рассматривали возможность ЭКО? Моя племянница с мужем не смогли зачать естественным путем, а теперь со дня на день ожидают близнецов.

Рассматривали ли мы возможность ЭКО? Она всерьез? Наверное, следовало бы просто улыбнуться и сказать, какая это отличная идея, но я вдруг понимаю, что у моей выдержки есть предел и он только что достигнут.

– Да, Элеонора, – говорю я, выдергивая руку. – Вообще-то у нас уже были три неудачные попытки. Это истощило наш сберегательный счет, и нам пришлось во второй раз заложить дом.

Лицо Элеоноры краснеет, и я тут же смущаюсь своего ответа, то есть понимаю, что мама, наверное, в шоке. Но я не смотрю на нее, чтобы убедиться. Я вижу, как Ава делает глоток воды, пытаюсь скрыть смех.

- О, - говорит Элеонора. - Это... Мне очень жаль.

- Ничего, - вмешивается мама. - Все, через что мы проходим, дается нам не без причины. Даже испытания.

Элеонора кивает.

- О, я верю в это всем сердцем, - говорит она. - Пути Господни неисповедимы.

Я тихонько смеюсь. Подобные замечания я много раз слышала от мамы. Трудно сыскать такую бесчувственную особу, как Аврил Доннелли, хотя я знаю, что она не нарочно.

Мы с Грэмом начали пытаться завести ребенка всего через год после свадьбы. Я наивно полагала, что это произойдет с первого же раза. После первых нескольких неудачных месяцев я забеспокоилась. И рассказала об этом Аве... а еще меня дернуло рассказать маме. Я поделилась с ними своими опасениями еще до того, как рассказала о них Грэму. И у мамы хватило хладнокровия заявить, что, возможно, Бог думает, что я еще не готова иметь ребенка.

Если Бог не дает детей людям, которые не готовы их иметь, он должен был бы многое объяснить. Потому что некоторые матери, которых он таки счел готовыми к зачатию, вызывают большие сомнения. Например, моя.

Грэм поддерживал меня во всех испытаниях, но иногда мне интересно, испытывает ли он то же чувство безнадежности, что и я, когда нам задают вопросы. Отвечать на них становится все труднее. Иногда, когда нас спрашивают, почему у нас до сих пор нет детей, Грэм сваливает все на себя. «Я бесплоден», - говорит он.

На самом деле он далеко не бесплоден. В самом начале эпопеи он делал анализ спермы, и все оказалось в порядке. Даже более чем просто «в порядке». Доктор употребил слово «обильный». «У вас обильная сперма, мистер Уэллс».

Мы с Грэмом вечно шутили по этому поводу. Но сколько бы мы ни пытались обратить все в шутку, это означало, что проблема только во мне. Какой бы обильной ни была его сперма, она не производила никакого воздействия на мою матку. Мы занимались сексом строго по графику овуляции. Я регулярно мерила температуру. Я ела и пила только «правильные» продукты.

И ничего. Мы собрали все свои средства и попробовали ВМС, потом ЭКО – все бесполезно. Мы задумывались и о суррогатном материнстве, но, во-первых, это так же дорого, как ЭКО, а во-вторых, по словам нашего врача, из-за эндометриоза, диагноза, который мне поставили в двадцать пять лет, мои яйцеклетки просто не очень надежны.

Все оказалось бесполезным, и мы не можем позволить себе повторять то, что уже пробовали, или даже испытывать новые способы. Я начала понимать, что этого может никогда не случиться.

Последний год стал для меня особенно трудным. Я теряю веру. Теряю интерес. Теряю надежду. Проигрываю, проигрываю, проигрываю...

– А вы не думали об усыновлении? – спрашивает Элеонора.

Я смотрю на нее, изо всех сил стараясь скрыть раздражение. Я открываю рот, чтобы ответить ей, но мама наклоняется ко мне.

– Ее муж против усыновления, – говорит она.

– Мама, – шипит Ава.

Она отмахивается от Авы.

– Я же не говорю об этом каждому встречному. Мы с Элеонорой практически лучшие подруги.

– Вы не виделись почти десять лет, – говорю я.

Мать сжимает руку Элеоноры.

– Ну, по-моему, это не так уж долго. Как Питер?

Элеонора смеется, обрадовавшись, как и я, смене темы. Она начинает рассказывать маме о новой машине мужа и кризисе среднего возраста, который ну никак не может быть кризисом среднего возраста, – ведь Питеру далеко за шестьдесят. Но я ее не поправляю. Я прошу извинения и направляюсь в туалет – пытаюсь хоть так убежать от постоянных напоминаний о моем бесплодии.

Поправить ее следовало, когда мама сказала, что Грэм против усыновления. Ничего он не против, просто нам не удалось получить одобрение агентства из-за прошлого Грэма. Не понимаю, как агентство по усыновлению не приняло во внимание, что, кроме этой ужасной подростковой истории, в его прошлом нет ничего хуже штрафа за парковку. Но когда вы всего лишь одна из многих тысяч пар, подающих заявки на усыновление, даже один неверный шаг может вам повредить.

Так что мама ошибается. Ни один из нас не против, но мы не получили одобрения и больше не можем себе позволить продолжать попытки. Лечение истощило наш банковский счет, а теперь, когда дом заложен по второму разу, у нас нет на это средств, даже если бы нас одобрили.

В общем, куда ни кинь, всюду клин, и хотя многие думают, что мы что-то упустили, на самом деле мы рассмотрели все возможные варианты, и не один раз.

Черт возьми, когда Ава вернулась из Мексики, куда уезжала на три года, она даже привезла мне куклу плодородия. Но ничто не пошло нам на пользу, даже суеверия. В начале прошлого года мы с Грэмом решили пустить дело на самотек, надеясь, что оно решится естественным путем. Не вышло. И, честно говоря, я устала выгребать против течения.

Единственное, что не дает мне бросить все, – это Грэм. В глубине души я знаю, что если откажусь от мечты о детях, то потеряю Грэма. Я не хочу лишиться его возможности стать отцом.

Это ведь я бесплодна. Не Грэм. Должен ли он тоже быть наказан моим бесплодием? Он утверждает, что дети для него не так важны, как я, но я знаю,

что он просто не хочет причинять мне боль. И у него все еще есть надежда. Но через десять-двадцать лет он меня возненавидит. Он же человек.

Когда у меня возникают такие мысли, я чувствую себя эгоисткой. Я чувствую себя эгоисткой каждый раз, когда мы с Грэмом занимаемся сексом, потому что знаю: я цепляюсь за надежду, которой нет, втаскиваю его все глубже в брак, который в конце концов опостылеет нам обоим. Поэтому каждый день я провожу долгие часы в интернете в поисках хоть какого-нибудь ответа. Любого. Я состою во всех тематических группах, я читаю все доски объявлений, все истории о «чудесных зачатиях», просматриваю закрытые группы по усыновлению. Я состою даже в нескольких родительских группах на случай, если у меня все же появится ребенок. И тогда я буду хорошо подготовлена.

Единственное, в чем я не участвую онлайн, – это социальные сети. В прошлом году я удалила все свои аккаунты. У меня просто нет времени на бесчувственных чурбанов. Хуже всего было первого апреля. Я уже потеряла счет подружкам, которые считают, что объявить, будто они якобы беременны, очень смешно. У них совершенно нет сочувствия к людям в моем положении. Если бы они знали, сколько женщин годами мечтают о положительном результате теста, им бы и в голову не пришло над этим потешаться.

А особенно меня бесят те, кто наполняет ленту жалобами на своих детей. «Эви всю ночь не спала и плакала! Тьфу! Когда уже, черт возьми, она начнет спать по-человечески!» Или «Жду не дождусь, когда уже начнется школа! С ума можно сойти от этих мальчишек!»

Если бы эти мамашки только знали.

Если бы я была матерью, я бы не воспринимала ни единого мгновения жизни своего ребенка как нечто само собой разумеющееся. Я была бы благодарна за каждую секунду, пусть бы они ныли, плакали, болели или дерзили мне. Я бы дорожила каждой секундой их летних каникул и скучала по ним каждую секунду, когда они в школе.

Вот я и ушла из социальных сетей. Потому что от каждого подобного поста мне становилось все более горько. Я знаю, что эти матери любят своих детей. И не считают их обузой. Но они не понимают, каково это – не иметь возможности испытать то, что так их напрягает. И чтобы не возненавидеть всех, на кого

я подписана, скопом, я решила удалить свои аккаунты в надежде, что это меня хоть как-то успокоит. Но такого не случилось. Даже без всяких соцсетей дня не проходит без напоминания о том, что я, возможно, никогда не стану матерью. Каждый раз, когда я вижу ребенка. Каждый раз, когда вижу беременную женщину. Каждый раз, когда сталкиваюсь с такими людьми, как Элеонора. Почти каждый фильм, который я смотрю, каждая книга, которую читаю, каждая песня, которую слышу. И в последнее время... каждый раз, когда мой муж прикасается ко мне.

5

Прошное

Я никогда не приводила домой парней, разве что Итана. Вообще-то Итан тоже редко приходил ко мне. Его квартира лучше и намного больше, поэтому обычно мы зависали там. Ну а теперь я в собственном доме собираюсь заняться сексом с совершенно незнакомым человеком всего через несколько часов после того, как застучала жениха за интрижкой.

А если Итан способен на интрижку, то я уж точно способна на секс в отместку с необычайно привлекательным парнем. Весь этот день – сплошная череда странных происшествий. Так пусть случится еще одно. Я открываю дверь и быстро осматриваю квартиру: вдруг что-нибудь нужно убрать с глаз долой? При этом я понимаю, что убрать с глаз долой нужно практически все, а как это сделать, если Грэм следует за мной по пятам? Я отступаю в сторону и впускаю его в квартиру.

– Заходи, – говорю я.

Грэм входит вслед за мной и окидывает квартиру своим грустным взглядом. Квартирка маленькая, с одной спальней, и кажется еще меньше из-за того, что повсюду натканы мои фотографии с Итаном. Задохнуться можно.

Оставшиеся приглашения на свадьбу все еще разложены на обеденном столе. Свадебное платье, купленное две недели назад, висит на дверце шкафа

в прихожей. При виде его я прихожу в ярость. Снимаю его, сую в свадебную сумку и запихиваю в шкаф. Очень надеюсь, что оно изменится.

Грэм подходит к стойке и берет в руки нашу с Итаном фотографию. На ней запечатлен момент, когда Итан только что сделал мне предложение и я согласилась. Я демонстрирую камере свое кольцо. Теперь я стою рядом с Грэмом и вместе с ним рассматриваю фото. Он проводит большим пальцем по стеклу.

- Похоже, ты тут по-настоящему счастлива.

Я не отвечаю, потому что он прав. На фото я выгляжу счастливой, потому что и была счастлива. По-настоящему счастлива. В своем неведении.

Сколько раз Итан изменял мне? Случалось ли это еще до того, как он сделал мне предложение? У меня множество вопросов, но я не так уж рвусь получить на них ответы - во всяком случае, устраивать Итану допрос с пристрастием не собираюсь.

Грэм кладет фотографию на стойку лицом вниз. Потом прижимает к ней палец и толкает ее через стойку бара - в точности так же, как мы проделали с телефонами. Фото перелетает через край, падает на пол кухни, стекло разбивается вдребезги.

Так неосмотрительно и грубо вести себя в чужой квартире! Но я довольна.

На стойке еще две фотографии. Я беру очередное фото нас с Итаном и кладу лицевой стороной вниз. Толкаю его через стойку, стекло разбивается, я улыбаюсь. Грэм тоже.

Теперь мы оба смотрим на последнюю фотографию. Без Итана. Я с отцом всего за две недели до его смерти. Грэм поднимает ее и подносит к глазам, чтобы рассмотреть поближе.

- Твой отец?

- Да.

Он ставит фотографию обратно на стойку.

- Эта пусть остается.

Грэм направляется к столу, где разложены оставшиеся свадебные приглашения. Я не занималась ими, это взяли на себя наши матери – моя и Итана. Они даже прислали их нам по почте. А эти мама завезла мне две недели назад и велела поискать финтифлюшки, чтобы их украсить, на Pinterest. Но у меня не было никакого желания делать хоть что-либо.

Теперь я, конечно же, их выброшу. Не хочу ни единого сувенира на память об этой личной катастрофе.

Я иду вслед за Грэмом к столу и забираюсь на него с ногами. Я сижу, скрестив ноги, а Грэм берет одно из приглашений и начинает читать вслух.

- Просим почтить своим присутствием бракосочетание Квинн Дайанн Уитли, дочери Аврил Доннелли и покойного Кевина Уитли из Олд-Гринвича, штат Коннектикут, и Итана Самсона Ван Кемпа, сына доктора и миссис Самсон Ван Кемп, также из Олд-Гринвича. Мероприятие состоится в престижном отеле «Дуглас Уимберли Плаза» вечером...

Грэм перестает читать и смотрит на меня. Он тычет пальцем в приглашение.

- Тут так и написано – «престижном».

Я чувствую, что заливаюсь краской.

Ненавижу эти приглашения. Увидев их в первый раз, я закатила истерику из-за их претенциозности, но моя мама и претенциозность – близнецы-сестры.

- Мамины выходки. Иногда проще позволить ей настоять на своем, чем затевать ссору.

Грэм приподнимает бровь и бросает приглашение обратно в кучу.

- Так, значит, ты родом из Гринвича?

Я слышу в его голосе осуждение, но его можно понять. Олд-Гринвич недавно признали одним из самых богатых городов Америки. И если вы – часть этого богатства, то принято считать, что вы лучше тех, кто к ней не принадлежит. А если вы не часть этого богатства, то осуждаете тех, кто к ней принадлежит. Это тенденция, с которой я не желаю иметь ничего общего.

– Ты не похожа на уроженку Олд-Гринвича, – добавляет он.

Мама сочла бы это замечание оскорбительным, но я только улыбаюсь. Я воспринимаю его как комплимент; собственно, так и было задумано. И он прав... Моя микроскопическая квартира и ее обстановка меньше всего похожи на дом, в котором я выросла.

– Спасибо. Я очень стараюсь не уподобляться отбросам высшего общества.

– Тебе пришлось бы стараться еще больше, если бы ты хотела всех убедить, что принадлежишь к высшему обществу. Это я в хорошем смысле.

Еще одно замечание, которое оскорбило бы маму. Этот парень начинает мне нравиться все больше и больше.

– Ты не голоден? – Я заглядываю на кухню, гадая, есть ли у меня хоть какая-нибудь еда. К счастью, он качает головой.

– Нет. Я сыт по горло всей этой китайской едой и неверностью.

Я тихо смеюсь.

– Да. Я тоже.

Грэм еще раз осматривает квартиру, начиная с кухни, гостиной и заканчивая коридором, ведущим в спальню.

Затем его глаза останавливаются на мне. Его взгляд так пристален, что у меня перехватывает дыхание. Он рассматривает меня, потом мои ноги. Я наблюдаю за ним, пока его глаза изучают меня в деталях. Раньше на меня так смотрел

только Итан, и мне странно, что это делает кто-то другой. Странно и то, что мне это нравится.

Интересно, о чем думает Грэм, так рассматривая меня? Может быть, он не меньше меня потрясен тем, что он сейчас в моей квартире пялится на меня, вместо того чтобы у себя дома, стоя у своего стола, так же пялиться на Сашу?

Грэм засовывает руку в карман пиджака и достает маленькую коробочку. Открывает и протягивает мне. Там кольцо. Явно помолвочное, но гораздо меньше, чем то, которое Итан купил мне. И, честно говоря, оно нравится мне больше. Мне хотелось чего-то поизыщнее, но Итан выбрал самое дорогое, что только мог позволить себе его отец.

– Таскаю его с собой уже две недели, – говорит Грэм. Он прислоняется к столу рядом со мной и смотрит на кольцо, которое я держу в руке. – У меня не было возможности сделать предложение, потому что она то и дело от меня отмахивалась. Я уже давно что-то такое подозревал. Что-что, а врать она умеет.

Последние слова он произносит так, будто восхищен этим ее умением.

– Мне нравится. – Я достаю кольцо из коробочки и надеваю на правую руку.

– Можешь оставить его себе. Мне оно больше не нужно.

– Ты должен вернуть его. Наверное, оно дорогое.

– Я купил его на eBay. Возврату не подлежит.

Я вытягиваю перед собой руки и сравниваю кольца. Смотрю на свое и удивляюсь, почему мне ни разу не пришло в голову заранее сказать Итану, что я не хочу ничего кричащего. Словно я так отчаянно хотела выйти за него, что лишилась собственного голоса. Собственного мнения. Себя самой.

Я снимаю свое кольцо с левой руки и кладу в коробку вместо того, которое Грэм купил Саше. Протягиваю коробку Грэму, но он не берет.

– Возьми, – говорю я и сую ему коробочку, пытаюсь поменяться кольцами.

Он прячет руки за спину и опирается на них, чтобы я не могла всучить ему кольцо.

- На это кольцо ты бы могла купить новую машину, Квинн.

- За мою машину уже заплачено.

- Тогда верни кольцо Итану. Он может отдать его Саше. Ей оно, наверное, понравится больше, чем то, что купил я.

Он не берет кольцо, и я кладу его на стол. Отправлю по почте матери Итана. Она придумает, что с ним делать.

Грэм встает и засовывает руки в карманы куртки.

Он определенно красивее Итана. Я и раньше упоминала об этом и ничуть ему не польстила. Привлекательность Итана - это в первую очередь уверенность в себе и деньги. Он всегда ухожен, хорошо одет и немного самонадеян. Если человек считает себя красивым, в это в конце концов начинают верить и все остальные.

Привлекательность Грэма более естественна. У него нет никаких эффектных черт, которые выделялись бы сами по себе. Волосы каштановые, самого обычного оттенка. Глаза темные, но не кажутся черными или бездонными. Обычные карие глаза, может быть, из-за цвета они кажутся более грустными, чем если бы были голубыми или зелеными. Губы гладкие и полные, но ничего выдающегося, не будь они сейчас передо мной, я бы вряд ли их вспомнила. И не так уж высок, чтобы на его рост можно было бы обратить внимание.

Футов шесть, наверное.

Его привлекательность - это сочетание всего вместе. Вроде бы непримечательные черты, соединившись в единое целое, почему-то вызывают у меня томление в груди. Мне нравится, что он смотрит на мир спокойными глазами, притом что его жизнь в полном беспорядке. Мне страшно нравится его кривая улыбка - только половиной рта. Когда он говорит, он время от времени замолкает и проводит большим пальцем по нижней губе.

Это сексуально, причем без всяких стараний с его стороны. По-моему, я никогда не чувствовала такой физической тяги к кому-то, кого я так мало знаю.

Грэм смотрит на дверь, и мне кажется, что он передумал. Я чем-то его оттолкнула? Или он все еще думает о Саше? Он выглядит так, словно собирается на этом закончить. Он отталкивается от стола, а я остаюсь сидеть, ожидая, что он объяснит мне все причины, по которым ему не нравится эта идея.

Он перемещается таким образом, что оказывается прямо передо мной. Словно не зная, куда деть руки, прежде чем попрощаться со мной, он просто засовывает их в карманы джинсов. Его взгляд падает на мою шею, потом возвращается к лицу. В первый раз глаза кажутся самой выразительной чертой его внешности.

– Где твоя спальня?

Я шокирована его прямоотой.

Я пытаюсь скрыть, что меня раздражает внутренний конфликт: больше всего на свете мне хочется отомстить Итану, трахнувшись с горячим парнем его любовницы. Но я знаю, что и Грэм здесь именно поэтому, и совсем не уверена, хочется ли мне самой стать объектом секса в отместку.

Но сейчас это лучше, чем остаться одной.

Я соскальзываю со стола и встаю. Грэм не отступает, так что, прежде чем я прохожу мимо него, наши тела на мгновение соприкасаются. Я чувствую это всем своим существом, но в особенности легкими.

– Пойдем.

Я все еще нервничаю, но уже не так сильно, как в миг, когда вставляла ключ в замок входной двери. Голос Грэма успокаивает меня. Все его присутствие успокаивает. Такой печальный человек не может вселять опасения.

– Я никогда не застилаю постель, – признаюсь я, открывая дверь в свою захламленную спальню. Включаю лампу, и в дверном проеме появляется фигура Грэма.

– Почему? – Он делает два шага в спальню, и это очень странное зрелище. В моей спальне стоит парень, которого я совсем не знаю. В той самой спальне, где я в данный момент должна была бы валяться на кровати с разбитым сердцем.

Ну а что Грэм? Кажется ли это ему таким же странным? Я знаю, что он подозревал Сашу, иначе не отправился бы за ней в дом Итана с обручальным кольцом, прожигая дыру в кармане.

Ищет ли Грэм выход из положения? А я? И только сейчас это понимаю? Потому что я сейчас нервничаю и волнуюсь, и вообще веду себя так, как не должна бы всего через несколько часов после того, как моя жизнь изменилась к худшему.

Я молча смотрю на Грэма, и тут до меня доходит, что не ответила, почему не убираю постель.

Я откашливаюсь.

– Чтобы правильно застелить постель, требуется примерно две минуты. Это означает, что средний человек тратит целых тридцать восемь дней жизни на то, чтобы застелить постель, которую все равно вечером разберет.

Кажется, Грэм удивлен. Он одаривает меня своей кривой улыбкой, потом смотрит на кровать. Глядя, как он изучает мою кровать, я чувствую, что не готова. Я готовилась к тому, что вечером встречу с Итаном. А не к сексу с чужим парнем. Не знаю, хочу ли я, чтобы горел свет. Не знаю даже, хочу ли оставаться в том, что на мне надето. Мне не хочется, чтобы Грэм снимал с меня одежду, предназначенную для другого мужчины. Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями. Пока для этого не было подходящего момента, и я в нем отчаянно нуждаюсь.

– Мне нужно... – я указываю на дверь ванной. – Мне нужна минутка.

Губы Грэма изгибаются в чуть более широкой улыбке, в этот момент я понимаю, что эти невероятные губы вот-вот коснутся моих, и вдруг чувствую, что недостойна этого. Очень странно, потому что я всегда уверена в себе. Но Грэм устанавливает планку уверенности, которая для меня слишком высока. Его

уверенность заставляет меня чувствовать нечто вроде робости.

Я закрываюсь в ванной и смотрю на закрытую дверь.

На мгновение я забываю, что вообще здесь делаю, но потом вспоминаю, что впервые за четыре года собираюсь заняться сексом с кем-то, кроме Итана. Нужно быть на высоте. Я открываю дверцу шкафа и просматриваю свои шмотки, чтобы найти самую непритязательную. Таковой оказывается розовая ночная рубашка с тонкими бретельками. Она непрозрачная, но отсутствие лифчика, который я сейчас снимаю, будет очевидным. Накидываю халат и подхожу к раковине. Стягиваю волосы в свободный пучок, чтобы не лезли в лицо, и долго чищу зубы и язык, пока не убеждаюсь, что мой рот не будет напоминать ему об украденной нами китайской еде.

Осматриваю себя в зеркале несколько дольше, чем требуется.

Просто в голове не укладывается, что сегодняшний день заканчивается именно так. Я... предвкушаю секс с мужчиной, который не мой жених.

Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и выхожу из ванной.

Сама не знаю, чего я ожидала, но Грэм выглядит все так же.

Он по-прежнему стоит перед дверью ванной в джинсах и футболке. И в куртке. И в ботинках. Я смотрю на его ботинки, а он шепчет: «Вау».

Я снова смотрю на него. Он теперь ближе. Его лицо совсем рядом, и мне очень хочется протянуть руку и коснуться его челюсти. Обычно я не обращаю внимания, какие у парней челюсти, но у него волевой, покрытый щетиной подбородок, а рот кажется таким же печальным, как глаза.

Он, похоже, тоже замечает, насколько мы близко стоим друг к другу, сразу же делает шаг назад и машет рукой в сторону кровати. Все подушки выровнены, одеяло заправлено под матрас без единой морщинки. Уголок аккуратно откинут, под ним виднеется простыня.

– Ты застелил мне постель? – Я подхожу к кровати и сажусь на нее. Я совсем не так представляла себе начало, но за последние четыре года я слишком привыкла к повадкам Итана.

Грэм приподнимает одеяло, я подтягиваю ноги и забираюсь в кровать. Отодвигаюсь достаточно далеко к стене, чтобы он мог присоединиться ко мне, но не тут-то было. Он только накрывает меня одеялом и садится на кровать лицом ко мне.

– Хорошо, да?

Я поправляю подушку и переворачиваюсь на бок. Он засунул края одеяла под матрас, и из-под него так просто не выбраться. Оно уютно и плотно охватывает мои ступни и ноги. На самом деле мне это даже нравится. Кажется, что даже верхняя часть одеяла каким-то образом обволакивает меня.

– Я в восхищении.

Он протягивает руку и заправляет мне за ухо выбившуюся прядь волос. Очень милый жест. Я почти не знаю Грэма, но могу точно сказать, что он добрый. Мне было ясно, что он добрый, уже тогда, когда Итан открыл дверь, а Грэм не дал ему в морду. Нужно иметь немалую уверенность и самообладание, чтобы спокойно справиться с подобной ситуацией.

Рука Грэма ложится мне на плечо. Я не могу толком понять, что изменилось в нем с тех пор, как мы вышли из бара, или даже с тех пор, как вошли в спальню. Но чувствую, что его мысли уже не там, где были раньше. Его рука скользит по одеялу и останавливается на моем бедре. Всем своим видом он выражает нерешительность. Я пытаюсь немного разрядить напряженность.

– Все в порядке, – шепчу я. – Можешь идти.

От облегчения он тяжело вздыхает.

– Я думал, что смогу. Чтобы мы с тобой. Сегодня вечером.

– Я тоже думала, что смогу, но... еще слишком рано для мести.

Сквозь одеяло я чувствую тепло его руки. Он немного приподнимает ее и, обхватив меня за талию, наклоняется вперед.

Он нежно целует меня в щеку. Я закрываю глаза и с трудом сглатываю, чувствуя, как его губы приближаются к моему уху.

– Даже если бы было не слишком рано, я все равно не хотел бы стать для тебя орудием мести. – Я чувствую, как он отстраняется. – Спокойной ночи, Квинн.

Я лежу с закрытыми глазами, пока он поднимается с кровати. И открываю их, только когда он выключает свет и закрывает за собой дверь спальни.

Он не хотел бы быть для меня орудием мести?

Это комплимент? Или он просто дал понять, что ему неинтересно?

Секунду я размышляю над прощальными словами, но тут же задвигаю их на задворки сознания. О словах Грэма я подумаю завтра. А сейчас мне хочется думать лишь об одном: о том, что я потеряла за какие-то пару часов.

Сегодня для меня изменилось все. Итан должен был стать моей второй половиной на всю оставшуюся жизнь. Все, что я, как мне казалось, знаю о своем будущем, пошло прахом. Все, что, как мне казалось, я знала об Итане, оказалось ложью. Ненавижу его. Ненавижу, потому что теперь, что бы ни случилось, я никогда никому не смогу доверять так, как доверяла ему.

Я перекатываюсь на спину и смотрю в потолок. «Пошел ты в задницу, Итан Ван Кемп».

Кстати, что это за фамилия такая? Я произношу свое имя вслух и добавляю к нему эту фамилию:

«Квинн Дайанн Ван Кемп».

Никогда не замечала, как по-дурацки это звучит. Хорошо, что у меня никогда не будет такого имени.

Хорошо, что я поймала его на обмане.

Хорошо, что рядом со мной был Грэм.

Хорошо, что Грэм решил сейчас уехать.

В тот жаркий момент с Грэмом в ресторане я жаждала мести. Мне казалось, если я пересплю с ним, боль, причиненная мне сегодня Итаном, утихнет. Но теперь, когда Грэм ушел, я понимаю, что она не утихнет, что бы я ни делала. Это просто огромная, сплошная, болезненная рана. Сейчас запру входную дверь и больше никогда не выйду из квартиры. Разве что за мороженым. Завтра схожу за мороженым, но после этого больше никогда не выйду из квартиры.

Пока не закончится мороженое.

Я отбрасываю одеяло и иду в гостиную, чтобы запереть дверь. Тянусь к замку на цепочке и замечаю желтую бумажку, приклеенную к стене рядом с дверью. На ней номер телефона. А ниже – короткая записка:

Позвони мне как-нибудь. После того, как отомстишь.

Грэм.

Записка вызывает у меня смешанные чувства. Грэм симпатичный, и я уже поняла, что меня к нему тянет, но в данный момент мне претит сама мысль о том, чтобы снова начать с кем-то встречаться. Мои последние отношения закончились всего пару часов назад.

И даже если бы мне когда-нибудь вновь захотелось встречаться, последним человеком для этого стал бы бывший парень девицы, из-за которой все хорошее в моей жизни пошло прахом.

Я хочу держаться как можно дальше от Итана и Саши. А Грэм, к сожалению, только напоминает мне о них.

Как бы то ни было, записка вызывает у меня улыбку. Но лишь на секунду.

Я возвращаюсь в спальню и забираюсь под одеяло. Натягиваю его на голову и начинаю лить слезы. Правильно сказал Грэм: «Плакать будешь ночью. В подушку. Вот тогда будет больше всего. Когда останешься одна».

6

Настоящее

Уезжая в Европу, Ава оставила мне подарок.

Пакетик экзотического чая, якобы помогающего при бесплодии. Беда в том, что вкус у него такой, будто высыпашь себе горсть чая прямо на язык, а потом закусываешь кофейными зернами.

Так что... о чудодейственном оплодотворяющем чае не может быть и речи. Я снова оставляю все на волю случая. Я решила, что буду пробовать еще месяц. Может быть, два, а потом скажу Грэму, что больше попыток не будет.

Еще два месяца, прежде чем я скажу ему, что действительно готова открыть ту деревянную шкатулку на книжной полке.

Когда входит Грэм, я сижу на кухонной стойке в его футболке. Свесила голые ноги, ступни болтаются над полом. Он не сразу замечает меня, но, как только замечает, я становлюсь его центром внимания. Я усаживаюсь на стойку верхом и сжимаю ноги, открывая их ровно настолько, чтобы он мог понять, каковы мои планы на ночь. Не отрывая взгляда от моих рук, он тянет галстук, сдергивает его с воротника, роняет на пол.

Вот поэтому мне так нравится, что он приходит с работы позже меня. Обожаю наблюдать, как он снимает галстук.

– Особый случай? – Он ухмыляется и окидывает меня взглядом с ног до головы. Идет ко мне, и я одариваю его самой соблазнительной улыбкой. Улыбкой, говорящей, что этой ночью я хочу оставить все притворство позади. Притворство, будто у нас все в порядке, притворство, будто мы счастливы,

притворство, будто живем той жизнью, которую выбрали бы, если бы могли выбирать.

Когда он оказывается рядом со мной, пиджак уже сброшен, а верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Он скидывает ботинки, одновременно скользя руками вверх по моим бедрам. Я обнимаю его за шею, и он подается ко мне, готовый и нетерпеливый.

Его губы касаются моей шеи и подбородка, нежно прижимаются к моему рту.

– Куда тебя отнести? – Он поднимает меня и прижимает к себе; я обхватываю ногами его талию.

– Хорошо бы в спальню, – шепчу я ему на ухо.

Хотя я почти отказалась от шансов забеременеть, я, очевидно, все еще цепляюсь за кусочек надежды по крайней мере раз в месяц. Не знаю, проявляю я таким образом силу или слабость. Иногда мне кажется, что и то и другое.

Грэм роняет меня на кровать, путь от кухни до спальни усеян нашими вещами, как разбросанными хлебными крошками.

Он устраивается у меня между ног, а затем со стоном входит в меня. Я молча принимаю его.

За пределами спальни Грэм последователен во всех возможных отношениях. Но в спальне я никогда не знаю, что получу. Иногда он занимается со мной любовью терпеливо и самоотверженно, а иногда бывает требователен, тороплив и эгоистичен. Иногда, войдя в меня, он становится разговорчив, шепчет слова, от которых я влюбляюсь в него еще сильнее.

А иногда он сердит и громогласен и произносит вещи, заставляющие меня краснеть. Я никогда не знаю, чего от него ждать. Раньше это меня возбуждало.

Но теперь я предпочитаю видеть в постели лишь одну из его ипостасей. Требовательную, торопливую и эгоистичную. Когда он такой, я чувствую меньше вины, потому что в последнее время единственное, чего я действительно хочу

от секса, – это конечный результат.

К сожалению, сегодня – не эгоистичная версия Грэма. Сегодня это полная противоположность тому, что мне от него нужно. Он наслаждается каждой секундой. Входит в меня размеренными толчками, одновременно пробуя на вкус мою шею и всю верхнюю часть тела. Я стараюсь казаться такой же увлеченной, время от времени прижимаюсь губами к его плечу или тяну его за волосы. Но трудно притворяться, будто я не жду, чтобы он быстрее покончил с этим. Я отворачиваю голову в сторону, чтобы он мог оставить свой след на моей шее, и жду.

Наконец он начинает набирать темп, и я немного напрягаюсь, предвкушая финал, но он неожиданно выходит из меня. Он скользит вниз по моему телу, втягивает мой левый сосок в рот, и я узнаю этот сценарий. Сейчас он спустится вниз, медленно пробуя каждую частичку моего тела, и, наконец, проскользнет языком между моих ног, где потеряет драгоценные десять минут, и мне придется слишком долго думать о том, какой сегодня день, сколько сейчас времени, что будет через четырнадцать дней, что я сделаю или скажу, если тест наконец окажется положительным, и как долго буду плакать под струями душа, если он снова будет отрицательным.

А сегодня я не хочу об этом думать. Я просто хочу, чтобы он поторопился.

Я тяну его за плечи, пока его губы снова не оказываются рядом с моими, и шепчу ему на ухо: «Все в порядке. Можешь кончать». Я пытаюсь снова направить его в себя, но он отстраняется. Я встречаюсь с ним взглядом впервые с момента, когда мы еще были на кухне.

Он нежно приглаживает мои волосы на затылке.

– Ты больше не в настроении?

Я не знаю, как, не задев его чувств, сказать ему, что я не в настроении с самого начала.

– Все в порядке. У меня овуляция.

Я пытаюсь поцеловать его, но, прежде чем наши губы встречаются, он скатывается с меня.

Я смотрю в потолок, гадая, что могло его рассердить в моих словах. Мы так долго старались, чтобы я забеременела. Все как обычно, ничего нового.

Я чувствую, что он встает с кровати. Смотрю на него и вижу, что он стоит ко мне спиной и натягивает штаны.

– Ты что, всерьез разозлился из-за того, что я не в настроении? – спрашиваю я, садясь. – Вспомни, что меньше минуты назад мы прекрасно занимались сексом независимо от моего настроения.

Он поворачивается и смотрит на меня, собираясь с мыслями. Разочарованно проводит рукой по волосам и подходит ближе к кровати. Сжатые челюсти выдают его раздражение, но, когда начинает говорить, его голос тих и спокоен:

– Я устал трахаться по медицинским показаниям, Квинн. Было бы здорово, если бы хоть раз я мог оказаться внутри тебя только потому, что тебе этого хочется. А не потому, что без этого ты не можешь забеременеть.

Его слова причиняют боль. Мне хочется огрызнуться, сказать что-то обидное в ответ, но в глубине души я знаю: он говорит так только потому, что это правда. Иногда я тоже скучаю по спонтанным занятиям любовью. Но дошло до того, что все наши неудачные попытки забеременеть стали слишком болезненными. Настолько, что я поняла: чем меньше секса, тем меньше разочарования. Если мы занимаемся сексом только в те дни, когда у меня овуляция, я чувствую разочарование реже.

Хотела бы я, чтобы он это понимал. Чтобы он знал, что иногда попытки даются мне труднее, чем неудачи. Я пытаюсь разделить его чувства, но это трудно, потому что я не знаю, действительно ли он разделяет мои. С чего бы? Это же не он терпит одну неудачу за другой.

Ладно, разочарование отложу на потом. А сейчас мне просто нужно, чтобы он вернулся в постель. В меня. Потому что он прав. Секс с мужем – обязательное условие для того, чтобы забеременеть. И сегодня у нас лучший шанс в этом месяце.

Я сбрасываю с себя одеяло и растягиваюсь на кровати. Прижимаю руку к животу, привлекая его внимание.

– Прости, – шепчу я, проводя пальцами вверх. – Возвращайся в постель, Грэм.

Его челюсти все еще сжаты, но глаза следят за моей рукой. Я наблюдаю, как он борется с собой: одна часть его существа хочет выскочить из комнаты, а другая – наброситься на меня. Похоже, он еще не уверен, что я хочу его; это мне не нравится, и я переворачиваюсь на живот. Если во мне есть то, что больше всего нравится Грэму физически, это вид сзади.

– Хочу только тебя, Грэм. Это все. Честное слово. – Вру.

Я испытываю облегчение, когда он стонет.

– Черт возьми, Квинн. – И вот он снова в постели, его руки на моих бедрах, его губы на моих ягодицах. Он просовывает под меня руку, прижимает ее к моему животу, приподнимая меня так, чтобы он мог легко скользнуть в меня сзади. Я испускаю убедительный стон и хватаюсь за края простыни.

Грэм обхватывает меня за бедра, приподнимается на колени и оттягивает меня назад, пока полностью не входит в меня.

С терпеливым Грэмом покончено. Сейчас рядом со мной комок эмоций, врывающихся в меня с нетерпением и гневом. Сейчас его интересует развязка, а вовсе не я, и это именно то, чего я хочу.

Я со стонами встречаю его толчки, надеюсь, что он не осознает, что остальная часть моего существа отключена от процесса. Через некоторое время оказывается, что мы уже не стоим на коленях, а лежим, и он всем своим весом прижимает меня животом к матрасу. Он сжимает мои руки, вцепившиеся в простыни, и я расслабляюсь, когда он издает стон. Я жду, когда он наполнит меня надеждой.

Но этого не происходит.

Вместо этого он выходит из меня, прижимаясь к моей пояснице. Затем стонет в последний раз, уткнувшись мне в шею. Я чувствую, как он касается моей кожи, теплый и влажный, потом скользит по моему бедру и извергается в матрас. Неужели он только что... Именно так.

Он кончил не в меня. Слезы застилают мне глаза, я хочу выбраться из-под него, но он слишком тяжелый и все еще так напряжен, что я не могу пошевелиться.

Наконец я чувствую, что он расслабляется, и пытаюсь приподняться.

Он переворачивается на спину. Я откатываюсь от него и выдергиваю из-под себя простыню, чтобы вытереться. По щекам текут слезы, я сердито вытираю их. Я так зла, что даже не могу говорить. Грэм наблюдает за мной, а я лишь пытаюсь скрыть гнев.

И растерянность.

Грэм, конечно, мой муж, но сегодня он был всего лишь средством для достижения цели. И хотя я пыталась убедить его в обратном, он только что доказал это самому себе, не дав мне того единственного, чего я сегодня от него хотела.

Я не могу унять слезы, как ни пытаюсь. Натягиваю одеяло до глаз, а Грэм скатывается с кровати и хватается за свои штаны. Мои беззвучные слезы сменяются рыданиями, плечи начинают трястись. Обычно я не веду себя так в его присутствии. Приберегаю это для долгих душей.

Грэм сдергивает с кровати свою подушку. Он выглядит так, будто разрывается на части: одна часть хочет утешить меня, другая, наоборот, на меня наорать. Злость берет верх, и он отступает к двери.

- Грэм, - шепчу я.

Мой голос останавливает его на полпути, он оборачивается и смотрит на меня. Кажется, он так обескуражен, что я даже не знаю, что сказать. Что мне жаль, что я хочу ребенка больше, чем хочу его? Не поможет, потому что это ложь. Ничего мне не жаль. Мне горько, что он не понимает, чем в последние несколько

лет стал для меня секс. Он хочет, чтобы я по-прежнему хотела его, а я не могу. Секс и занятия любовью каждый раз дают мне надежду, что это тот самый единственный шанс из миллиона и я наконец забеременею. А потом те же секс и занятия любовью, которые дали мне надежду, приводят к тому, что надежда оборачивается отчаянием.

С годами весь процесс и сопутствующие ему эмоции слились воедино. Теперь я не могу отделить секс от надежды, а надежду от отчаяния. Секс есть надежда, есть отчаяние.

Секс-надежда-отчаяние.

Отчаяние. Отчаяние.

Теперь остается только отчаяние.

Он никогда этого не поймет. Никогда не поймет, что это не его я не хочу. Я не хочу отчаяния.

Грэм наблюдает за мной, ожидая, что я скажу что-нибудь еще. Но я ничего не говорю. Не могу.

Он слегка кивает и отворачивается от меня. Я вижу, как напрягаются мышцы его спины. Вижу, как сжимается и разжимается его кулак. Вижу, как он тяжело вздыхает, хотя и не слышу этого.

Он размашисто открывает дверь спальни и хлопает ею изо всех сил. С другой стороны двери раздается глухой удар. Я зажмуриваюсь и сжимаюсь в комок. Еще один удар.

И еще.

Я слушаю, как он пять раз ударяет в дверь с другой стороны. Слушаю, как он вымещает свою боль и обиду на деревяшке, потому что он знает, что больше ему некуда деться. Когда все смолкает... я больше не владею собой.

Прошлое

Забывать Итана оказалось непросто. И дело даже не в нем самом. Гораздо тяжелее, чем потерять Итана, было утратить отношения. Когда так долго не мыслишь себя без другого человека, трудно снова стать самим собой.

Прошло несколько месяцев, прежде чем я наконец полностью удалила его следы из своей квартиры. Избавилась от свадебного платья, фотографий, подарков, которые он дарил мне на протяжении нескольких лет, одежды, которая мне о нем напоминала. Я даже сменила кровать, но скорее потому, что просто хотела новую кровать, чем из-за напоминания об Итане.

Прошло уже шесть месяцев, и единственной причиной, по которой я пришла на второе свидание с этим парнем по имени Джейсон, послужило то, что первое не было полной катастрофой. И еще меня уговорила Ава.

Как бы сильно моя мама ни любила Итана – ей до сих пор хочется, чтобы я простила его, – думаю, Джейсон понравился бы ей еще больше. По идее, это должно было бы меня воодушевить, но ничего подобного. У нас с мамой очень разные вкусы. Я только и жду, чтобы Джейсон сказал или сделал что-то, что не понравилось бы маме. Может быть, тогда он стал бы для меня привлекательнее.

Он уже повторил несколько вопросов, которые задал мне в прошлую пятницу. Спросил, сколько мне лет. Я сказала, что двадцать пять, столько же, сколько было в прошлую пятницу. Спросил, когда у меня день рождения, и я сказала, что по-прежнему 26 июля.

Обычно я стараюсь не быть стервой, но с ним это трудно, ведь ясно, что он пропустил мимо ушей все, что я говорила ему неделю назад.

– Значит, ты Лев? – спрашивает он.

Я киваю.

– А я Скорпион.

Я понятия не имею, что это говорит о нем. Астрология никогда не была моим коньком. Кроме того, мне сейчас трудно сосредоточиться на Джейсоне, потому что позади него я вижу нечто гораздо более интересное. За два столика от меня сидит Грэм и ухмыляется, глядя в мою сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/kolin-guver/vse-tvoi-sovershenstva>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)